

The illustration depicts a human hand reaching down from the top left, adorned with a beaded bracelet. It is positioned over a robotic hand that is emerging from a dark, swirling, smoke-like or nebula-like background. The robotic hand is white and grey, with its fingers slightly curled. The overall atmosphere is mysterious and futuristic.

18+

Альтари

Сабина Керн

Сабина Керн

Альтэри

«Автор»

2026

Керн С.

Альтэри / С. Керн — «Автор», 2026

Эрика привыкла к тяжести меча, но не к весу короны. Её привычный мир трещит по швам, когда в него проникают силы, о которых принято упоминать только шёпотом. Таинственный посланник из-за Гряды должен пугать, но сердце бьётся чаще совсем по другой причине. Эта любовь невообразима, запретна, но у истинных чувств нет преград. Можно ли быть тем, кем должен, если сердце больше не принадлежит тебе? А обстоятельства тем временем вынуждают снова взяться за меч...

© Керн С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Встреча	5
Глава 2. Даркийцы	11
Глава 3. Страх	16
Глава 4. Гряды	20
Глава 5. Кровь и Воля	22
Глава 6. Новая встреча	25
Глава 7. Кэлман	29
Глава 8. Опасная близость	32
Глава 9. Положение и обязанности	35
Глава 10. Посол Гряды	39
Глава 11. Поединок	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сабина Керн Альтэри

Глава 1. Встреча

Когда дверь закрылась за последним советником, Эрика осталась в зале переговоров совершенно одна. Она откинулась на спинку стула, уставившись в потолок, и обречённо вздохнула.

Уже смеркалось. Из открытой балконной двери тянуло вечерней прохладой, и девушка подумала, что, возможно, глоток свежего воздуха поможет привести мысли в порядок.

Она ещё раз обвела взглядом опустевшую комнату, где только что решалась её судьба, и вышла наружу. Зал переговоров в западном крыле замка в последнее время стал Эрике ненавистным. Тёмный, без окон, он никогда не отличался уютом. Лишь над камином висел старый гобелен — солнце Альтэрии, вышитое блёклым золотом на насыщенном алом поле. Эрика смотрела на него столько раз, что перестала замечать, но сегодня он бросился в глаза. Будто герб насмехался над ней — символ рода, от которого она никогда не ждала ничего, кроме долга и одиночества.

Зато третий этаж и большой каменный полукруглый балкон с балюстрадой позволяли насладиться видом на густой лес, за которым поднималась чёрная горная гряда.

В паре метров слева росло старое величественное дерево с кроной цвета чернил и корой, пахнущей землёй после дождя. Эрика с детства знала каждую его ветку и всех обитателей.

Она потянулась, вдыхая полной грудью вечерний воздух — влажный, с запахом земли, трав и цветов с клумб внизу.

Тишина и рассеянный свет солнца, уже спрятавшегося за вершины гор, успокаивали. Небо над замком наливалось глубокими синими и голубыми оттенками, тогда как гряда ещё тлела в сиреневых и розовых тонах.

Тишина?

Эрика замерла, вслушиваясь, а затем резко выхватила меч из ножен и развернулась к дереву, принимая боевую стойку.

— Выходи, — приказала она жёстко.

В ответ — ничего. Даже лес будто замер. Девушка крепче сжала рукоять меча.

— Я знаю, что ты там. Нет смысла прятаться, — голос звучал уверенно. Она была готова вступить в бой, если понадобится.

Прошло ещё несколько долгих секунд, прежде чем на балкон прыгнула высокая фигура в чёрном. Эрика хотела атаковать, но так и осталась стоять на месте с мечом, который помимо её воли медленно опускался вниз. Она мгновенно поняла, что выстоять против такого «гостя» не сможет: ещё в детстве её научили распознавать сильных противников не по оружию, а по ощущениям собственного тела рядом с ними.

Даркиец.

Ошеломлённая, Эрика убрала меч обратно в ножны, не сводя взгляда с незнакомца. С обычным человеком его точно нельзя было спутать.

Высокий, на целую голову выше неё, а она и так превосходила ростом большинство мужчин Альтэрии. Эта её особенность пугала и раздражала окружающих, делала предметом насмешек...

Но рядом с ним это переставало иметь значение. Он не просто возвышался... Он давил самым присутствием, словно был сложен по иным, нечеловеческим меркам. Так, вероятно,

выглядели все даркийцы, если судить по тем, кто вернул сегодня утром отряд лучших воинов королевства под конвоем.

Мужчина стоял неподвижно, слишком расслабленно для шпиона. И самое удивительное — не скрывал лица: тонкокостного, с пепельной кожей. Заострённые уши с золотым кольцом в правой мочке. Тонкие бледные губы. Глаза, слегка вытянутые к вискам, — черта, должно быть, присущая их народу. Волосы чёрные, как самая тёмная ночь, зачёсаны назад, виски выбриты. Веки полуприкрыты. Взгляд лениво-скучающий.

Но Эрика чувствовала — это не надменность. Это сила, затаившаяся внутри.

— Любопытно, — произнёс он, слегка наклоняя голову и складывая руки на груди.

Что-то сжалось у неё под рёбрами. Этот голос — лениво растягивающий слова, немного хриплый — выбил почву из-под ног. Никогда Эрика не слышала подобного.

Она не успела ни собраться с мыслями, ни понять, к чему относилось его «любопытно», как даркиец уже стоял прямо перед ней.

— Как вы догадались, что на дереве кто-то есть, принцесса?

Эрика растерялась.

Его глаза смотрели пристально, вызывая мурашки по всему телу. Белки полностью чёрные. Радужка узкая, словно рассеянный лунный свет вокруг огромного бездонного зрачка.

Она с трудом сглотнула и резко отвернулась, отходя к перилам. Хотелось почувствовать хоть какую-то опору.

Мужчина хмыкнул, но остался на месте.

— Не боитесь показывать спину чужаку, принцесса?

Уперевшись руками в холодный камень, Эрика глубоко вдохнула.

— Если бы вы хотели причинить мне вред, вы бы уже это сделали, — сказала она, обращаясь. — Я сознаю разницу в нашей силе, — в голосе прозвучала горечь. — Идите сюда, — она постучала ладонью по резному ограждению.

Он удивлённо приподнял бровь.

Эрика слегка улыбнулась, почти насмешливо.

— Вы ведь хотели знать, как я поняла.

Даркиец в несколько шагов сократил расстояние и замер рядом.

И тут с верхушки дерева донеслось: «Уг-гууум... гу-ум...»

Мужчина вскинул голову.

«Уг-гууум... гу-ум...» — и снова низкое, раскатистое угуканье, будто кто-то бил ладонью по пустому бочонку.

Он застыл, прислушиваясь.

— Птица? — спросил, всматриваясь в густую крону.

— Угрун, — ответила Эрика. — У вас, видимо, такие не водятся.

Он быстро, оценивающе взглянул на неё.

Видя, что он всё ещё прислушивается, Эрика, сама не понимая почему, начала объяснять:

— Это крупная сумеречная птица. Селится в старых дуплистых деревьях. По вечерам, вот так, — она кивнула на ветви, — обозначает, что территория занята.

Она говорила спокойно, размеренно, как если б это был обычный разговор, а не объяснение существу, способному убить её за одно движение.

Даркиец снова посмотрел на девушку. От его внимательного взгляда она запнулась на полуслове. Внутри Эрики разгоралось непривычное смущение, смешанное с робостью. Впервые со смерти отца она ощущала рядом чьё-то подавляющее присутствие и не знала, как держаться, словно привычная броня дала трещину.

Рядом с ним она вдруг переставала быть той, кем привыкла. Странное чувство.

Но, отведя глаза, Эрика всё же продолжила:

— Угрун не боится лесных жителей, которые могут забраться так высоко, но стоит неподалёку появиться человеку... птица замолкает, затаившись, прячется в глубине дупла.

Пока она рассказывала, мужчина изучал её. Его взор скользил по ней медленно, почти лениво — от коротких каштановых волос, касающихся плеч, к длинным ресницам, маленьким родинкам под левым глазом, прямому носу, лёгкому румянцу на щеках. Ниже — к белой блузке, заправленной в штаны с высоким поясом, к ножнам меча, к кожаным сапогам. Всё в ней казалось ему необычным.

Их женщины были иными — сдержанными и точёными, с другой пластикой тела, сочетающими элегантность с силой и гибкостью. А эта — плоть и кровь, сила и упрямство, смешанные с неожиданной мягкостью и даже застенчивостью.

Он многое знал о принцессе Альтэрии, о её воинском воспитании, о характере, но видел впервые. И, что было куда более странно, ему было интересно.

— Значит, — негромко проговорил он, — птица замолчала, потому что почувствовала меня и испугалась.

Эрика подняла голову — глаза в глаза.

— Да, — она едва заметно улыбнулась.

Он задержал на ней взгляд дольше, чем позволяла вежливость.

— А вы, значит, не испугались?

— Испугалась, — честно призналась она. — Но не сразу.

Похоже, это его позабавило.

Эрика почувствовала прежде, чем успела осознать, — воздух вокруг вмиг стал плотнее, будто сжался, навалился на грудь. Давление росло, тяжёлое и неумолимое. Рефлексы срабатывали раньше разума. Пальцы сомкнулись на эфесе меча. Она не отступила, лишь сжала губы, встречая этот невидимый напор с упрямым вызовом.

Мужчина усмехнулся, потом вдруг спросил:

— Вы всегда так внимательны к тому, что вас окружает?

Давление исчезло так же внезапно, как и возникло. И пока Эрика приходила в себя, мужчина сделал шаг ближе.

— Приходится, — подтвердила она тихо, — иначе нельзя.

Теперь его губы дрогнули в почти неуловимой улыбке.

В этот момент из зала переговоров донёсся шум шагов и приглушённые голоса.

Эрика вздрогнула. Стража. Паника захлестнула сразу, липкая, холодная. Если их увидят... Даже представить было страшно, чем это обернётся. И как отреагирует он, даркиец, тоже оставалось только гадать.

Она покосилась в его сторону и замерла. Он выглядел совершенно спокойным. Лицо сохраняло всё то же расслабленно-ленивое выражение, будто происходящее не имело к нему никакого отношения. Он наблюдал за движением стражи в зале так, словно смотрел на дождь за окном.

Ну конечно! С его уровнем силы ему и правда было незачем волноваться. А вот ей стоило.

Не давая себе времени на размышления, Эрика действовала на чистом инстинкте. Она схватила его за руку и резко потянула за собой, в густую тень за створкой балконной двери, молясь всем богам разом, чтобы их не заметили.

Мужчина же был изумлён. Когда их уединение нарушили, он собирался просто исчезнуть, бесшумно, мгновенно, как делал сотни раз прежде. Но он никак не ожидал, что принцесса... схватит его. И уж тем более — потащит прятаться. Это не укладывалось в голове. И дело было не только в нелепости ситуации. У его народа не допускалось подобных вольностей: никто не имел права касаться другого так бесцеремонно, если только не входил в самый близкий круг. За подобное неуважение и наглость он мог — и имел полное право — немедленно вызвать её на поединок. И, признаться, мысль была соблазнительной.

Ему хотелось увидеть её в бою. Ту самую принцессу Альтэрии, о чьей боевой подготовке ходили восторженные слухи. Проверить её ловкость, реакцию, силу.

Но сейчас, стоя в тени за массивной дверью, прячась вместе с ней, как какой-то мальчишка... ему было скорее смешно и любопытно. Именно поэтому он позволил ей увлечь его за собой.

— Принцесса, — тихо протянул он, — вы вообще понимаете, что укрываете шпиона?

В его голосе сквозила насмешка. Эрика будто не услышала. Она напряжённо вслушивалась в шаги, становившиеся всё ближе.

Стража вышла на балкон.

Её сердце колотилось где-то в горле. И лишь когда он заговорил, она испуганно вздрогнула и машинально закрыла ему рот ладонью, прижавшись всем телом, будто пытаясь растворить их в темноте. Не глядя на него. Только прислушиваясь: услышали или нет.

Шаги замедлились, а потом начали удаляться.

Даркиец застыл. Насмешка исчезла мгновенно, а мышцы почти свело судорогой. Внутри поднималось раздражение — острое, опасное. Но его остановили её глаза. В них читался чистый, искренний страх: не за себя, а за то, что их обнаружат. Она не осознавала, что делает. Она просто пыталась предотвратить конфликт любой ценой, руководствуясь странным, почти наивным благородством.

«Я сознаю разницу в нашей силе...» — вспомнил он её слова. Похвально. И всё так же до зуда любопытно.

Он положил ладонь поверх её руки, уверенно сжимая, а другой резко притянул к себе.

Эрика ахнула и вскинула на него глаза. Только сейчас до неё начало доходить, что происходит. Ужас накрыл её с новой силой. Она закрыла даркийцу рот. Закрыла своей рукой. Что она вообще творит?!

Она попыталась отдернуть ладонь, но его хватка лишь усилилась. Он медленно убрал её руку от своего лица, не выпуская запястья, а другой ладонью продолжал удерживать, ясно обозначая границу, которую она пересекла, не понимая последствий. Его взгляд вновь стал лениво-насмешливым.

— Спрошу ещё раз, — прошептал он. — Вы понимаете, что укрываете шпиона, принцесса?

Голос тихий, близкий, и бездна его глаз... Воздуха стало не хватать. Эрика судорожно вдохнула и уловила запах: холодный, свежий, словно туманное утро у подножия гор. А затем посмотрела на его руку: чёрные ногти на длинных тонких пальцах. Это было настолько чуждым, что разом вернуло ей самообладание.

— Прошу прощения за своё неподобающее поведение, — сказала она, наконец, намеренно холодно. — Но последствия того, что вас заметят, могли быть катастрофическими.

Напряжение, сковывающее всё тело, мешало Эрике сосредоточиться. Если он хотел напугать, то у него получилось. Только испугалась она не того, чего ожидал он. Она испугалась, что больше не боится его, совсем. Не боится ни как угрозы, ни как существа, стоящего по ту сторону её мира. Гораздо страшнее оказалось другое: рядом с ним исчезли привычные роли — принцессы, воина, символа Альтэрии. Осталась лишь она сама, растерянная, слишком живая для этой ситуации.

А на смену пришло другое чувство: неловкость и жар, предательски заливающий щёки. Эрика надеялась, что даркиец спишет это на раскаяние, и снова попыталась отстраниться. На сей раз её не удерживали. Она поспешно шагнула в сторону и, стараясь не делать резких движений, выглянула из их укрытия.

Стража уходила.

Эрика ощущала его взгляд затылком, тяжёлый и внимательный, но не решалась обернуться. После всего произошедшего хотелось просто сбежать. Особенно пока сердце всё ещё билось где-то в горле, мешая ей дышать.

— Ушли, — тихо пробормотала она, выходя на середину балкона.

Мужчина молча последовал за ней, держась на небольшом расстоянии.

— И раз свет погасили, значит, дверь заперли, — объяснила Эрика скорее самой себе.

— И что вы собираетесь теперь делать?

Его голос снова прошёлся по коже холодной волной мурашек.

— Ничего, — она пожала плечами. — Не впервой. Воспользуюсь деревом по старинке.

Она подошла к перилам и всмотрелась в темноту. После того как в зале погасили свет, балкон утонул в сумраке. Лишь полумесяц тускло серебрил камень балюстрады.

Даркиец смотрел ей в спину, и мысль, возникшая вдруг, показалась чуждой и неуместной. Он не был склонен к подобным импульсам. Но любопытство и холодное желание поставить всё на свои места — перевесили. Она должна понять, в какой опасности оказалась.

Он бесшумно приблизился сзади, подхватил её на руки и одним движением оказался на узком выступе перил. Эрика ахнула, глядя в разверзшуюся под ними пропасть. Она сжалась в его руках, бросив на него растерянный взгляд. А затем он оттолкнулся... и прыгнул вниз. Ей показалось, что мир перестал существовать. Она не закричала, только крепче стиснула пальцы, вцепившись в ткань на его груди, будто это было единственное, что удерживало её от падения в пустоту.

Мгновение — и они мягко приземлились на траву у цветочных клумб. Эрика не сразу поняла, что всё закончилось. Казалось, она рассыпалась на части и теперь не могла собрать себя обратно. Слишком резко. Он — слишком близко. Слишком... неправильно.

Даркиец поставил её на землю. Ноги дрожали, и он, очевидно, это заметил, как и слишком быстрый, сбившийся ритм её сердца. На его лице мелькнуло короткое выражение: не торжество и не удовлетворение, а скорее подтверждение собственных мыслей. Он выразительно посмотрел на её пальцы, всё ещё сжимающие ткань его камзола.

Эрика опомнилась и поспешно разжала их.

— Зачем? — прошептала она, не поднимая глаз.

— Испугались, принцесса? — в его голосе снова прозвучала характерная отстранённая насмешка.

Вот оно, значит, как! — подумала она, отступив на шаг, словно обожглась. Эрика только сейчас осознала, насколько близко стояла к нему, недопустимо близко. — *О Боги!* — она что, только что признала, что он... привлекательный? Мужчина другой расы. Существо, с которым лучше не встречаться даже взглядом, не то что стоять рядом. Осознание этого злило её куда сильнее, чем пугало.

Он наблюдал за ней и не мог понять, что пошло не так. Испугалась слишком сильно? Или, наоборот, не так, как следовало? Любопытство снова толкало его туда, куда он не привык заходить.

— Доброй ночи, принцесса, — сухо попрощавшись, он сделал шаг в сторону.

— Мы ещё встретимся? — слова сорвались у неё прежде, чем она успела подумать.

Он обернулся. Его брови медленно поползли вверх в явном недоумении: «Серьёзно?»

Эрика тут же смутилась и поспешила оправдаться:

— Я... — она запнулась. — Мне хотелось бы узнать больше о даркийцах.

На последнем слове мышцы на его лице едва заметно дёрнулись. Он быстро сократил расстояние и навис над ней.

— Вы что же, принцесса, — он нарочито растянул это слово, — решили прислушаться к мнению вашего так называемого брата?

Между ними повисла тишина, гулкая, напряжённая.

Она не сразу ответила. Медленно выпрямилась, расправляя плечи, и лишь потом спросила:

— Как много вы слышали сегодня?

Он промолчал. И это молчание сказало больше любого ответа.

— Что плохого в попытке наладить мир между народами? — уточнила Эрика ровно, хотя внутри всё сжалось.

— Вы и я прекрасно понимаем, что речь не о мире, — холодно произнёс он. — Это попытка вашего брата замять нарушение соглашения о непересечении наших границ, того соглашения, которому веками следовали ваши предки, — он окинул её коротким нечитаемым взглядом. — А вы, принцесса, лишь удобная фигура. Разменная монета, которую готовы положить на алтарь ради спокойствия, — слова были жестокими и чересчур точными.

Эрика сжала кулаки, чувствуя бессилие.

— Но самое забавное, — он снова принял расслабленную позу, скрестив руки на груди и наклонив голову, — с чего вы вообще решили, что нам это нужно?

Мужчина кивнул в её сторону — небрежно, почти лениво. Он просто сказал вслух то, о чём она боялась подумать, разрушив их последнюю надежду на мир.

— И что нас ждёт? — тихо пробормотала она. — Война?

— Воюют с равными, — заметил он.

Слова упали между ними тяжело как камень, поставив точку. Он не угрожал, не давил. Он просто подчеркнул реальность, в которой её народ даже не рассматривался как равная сторона конфликта.

Она прерывисто выдохнула, чувствуя, как внутри оседает почти болезненное понимание своего места в этой истории.

— Могу я узнать ваше имя? — поинтересовалась Эрика после затянувшегося молчания.

Он нахмурился, словно колеблясь, стоит ли. Внутри что-то дрогнуло, сбивая привычный ход мыслей. Он не собирался называть настоящее имя. Не собирался называть вообще никакого. Но она стояла перед ним — напуганная, но не отступающая, понимающая разницу в их силе и всё равно смотрящая открыто и прямо, — и это упрямство, эта странная честность заставили его дать ей хоть что-то настоящее.

— Кэл, — сказал он наконец. — Моё имя Кэл.

— Эрика, — представилась она сама, опустив взгляд. — Хотя вы, уверена, и так знаете.

Уголки его губ едва заметно приподнялись — мимолётный признак того, что её прямота ему не претит. Когда она подняла голову, перед ней была лишь ночная прохлада и пустой сад.

Глава 2. Даркийцы

Эрика огляделась. Никого.

Потрясённая, она развернулась и быстро зашагала прочь. Эмоции путали сознание. Она пыталась разложить всё по полочкам, но мысли разлетались, как стайки испуганных птиц.

Предания говорили, что даркийцы обладают силами за пределами человеческого воображения. Утреннее происшествие — их первое столкновение — лишь подтвердило это.

Но даже так... Каким же уровнем силы нужно обладать, чтобы взять и раствориться в воздухе! А ведь именно это и произошло. Она просто в какой-то момент перестала чувствовать его присутствие.

Стоп!

Эрика замерла посреди тропинки.

Он ведь мог исчезнуть в любой момент.

От осознания этого — его силы, уверенной сдержанности и собственной глупости — она резко выдохнула и закрыла лицо руками.

— Вот же... — вырвалось глухое ругательство.

Он мог вовсе не выходить из тени, пересидеть на дереве, понаблюдать и уйти, не оставив и следа. А я... я потащила его прятаться. Боги, он просто подыграл мне. Как взрослый, которому забавна суета ребёнка, искренне пытающегося «спасти» его от воображаемой беды. Зачем?

Эрика начала мерить тропинку шагами, размышляя о том, что случилось.

Если он всё слышал, то новых сведений от меня не получил. Если хотел напугать — это было излишне. Утреннее проявление их превосходства и без слов дало понять: даркийцы сильны. Очень сильны, за гранью разумного! Но, как ни странно, они не кичатся этим. Для них мощь — норма, а не инструмент доминирования. И демонстрируют её они лишь тогда, когда очерчивают границы или пресекают угрозу на корню. По крайней мере, именно такое ощущение сложилось.

Остановившись, Эрика прикрыла ладонью глаза в попытке найти логику, не отвлекаясь на внешнее.

Тогда зачем? Любопытство? Или желание ещё раз подчеркнуть, насколько люди — не угроза? И этот прыжок! Был ли он демонстрацией или предупреждением?

Она чувствовала, как внутри всё сжимается от бессильного желания понять. Но понять не выходило.

До сегодняшнего дня само их существование для большинства казалось лишь пугающей сказкой. В народе говорили, что за Чёрной Грядой живёт древний и страшный народ, владеющий силами, неподвластными человеку. Легенды передавались из уст в уста, кто-то клялся, что видел даркийцев собственными глазами.

Эрика знала, это не выдумка. Она знала и о древнем соглашении между их народами: строгом запрете, не позволявшем людям пересекать границу гор. Пока оно соблюдалось, Альтэрии ничто не угрожало.

Отец рассказывал им о договоре, когда Эрика с братом были ещё детьми, о правиле, передававшемся от правителя к правителю и служившем гарантией мира и невмешательства опасных соседей.

Но после его смерти брат оказался слишком амбициозным и импульсивным. Ещё не став полноценным правителем, он уже назвал соглашение «ветхой бумажкой», «пылью веков» и решил привести Альтэрию к величию.

Для этого он несколько дней назад отправил лучших воинов на разведку в чёрные горы. Всего несколько дней...

А этим утром замок гудел как разворошённый улей.

После раннего подъёма и тренировки Эрика по привычке завтракала на кухне. Там уже вовсю кипела работа: слуги готовились подать еду в трапезную её брату и мачехе. После смерти отца Эрика ни разу не присоединилась к ним за общим столом, не из протеста — просто не видела смысла притворяться.

Здесь всё было честнее: запах свежего хлеба, тёплый пар над котлами, негромкий гул голосов. На кухне не требовалось угадывать чужие намерения за фальшивыми улыбками.

Нет, нельзя сказать, что отношения с братом и мачехой были плохими. Если уж начистоту — их почти не существовало.

Ещё в детстве Эрика поняла, что полноценной семьёй им не стать. Когда отец женился вновь и родился Мэрэк, ей было всего пять лет. Она пребывала в восторге: у неё появился брат и, как тогда казалось, возможно, мама.

О своей матери она знала лишь по чужим рассказам: та умерла, когда Эрика была ещё совсем маленькой. Отец всегда говорил о ней с теплом, и в его взгляде неизменно появлялась тихая грусть.

Альвена — его новая жена, дочь знатного герцогского рода Альтэрии, никогда не проявляла к Эрике особого интереса. Мачеха держалась безупречно учтиво и безнадёжно холодно: ни ласковых слов, ни объятий, ни желания проводить время вместе. С самого начала их общение было вежливо-отстранённым, лишённым тепла, и ограничивалось показательной любезностью и обоюдным невмешательством в жизнь друг друга.

Отец оставил всё как есть. Но он не перестал проводить время с дочерью и обучать её всему, что знал сам: военному делу, управлению, ответственности.

Эрика была старшей, а значит, как она тогда считала, должна была стать опорой и поддержкой для брата, которому предстояло взойти на престол. Она искренне в это верила и поначалу старалась. Но с каждым годом становилось всё более явным: брат видел в ней не союзника, а угрозу или живое напоминание о чём-то, что он в себе ненавидел. Его неприязнь росла и со временем начала находить выход в холодных взглядах, резких словах и решениях, принятых наперекор её советам. Древние запреты казались ему не щитом, а цепями. Предостережения — трусостью, прикрытой благоговением перед прошлым. Он не верил в «неприкосновенные границы», не верил в угрозу, о которой говорили шёпотом и без доказательств.

Если мир за Чёрной Грядой действительно существовал, значит, его можно было изучить. Если опасность была реальной, значит, её следовало измерить. А если предки просто боялись сделать шаг дальше — тем хуже для их памяти.

Мэрэк хотел быть первым, кто осмелился. Он был уверен, что контролирует ситуацию, что успеет остановиться, если станет опасно.

Он ошибся. Всё пошло прахом.

Эрика сидела в углу у небольшого окна, выходящего в сад у кромки леса. Утро выдалось туманным и свежим, с запахом прелой листвы, хвои и влажной земли. В воздухе витало то особенное состояние, когда лето ещё не отступило, но осень уже осторожно заявляла о себе, заставляя кутаться в шерстяную одежду и греть озябшие пальцы о кружку с горячим отваром.

Глухая тишина снаружи, где редкие крики птиц звучали неожиданно громко, резко отличалась от мягкой суеты на кухне. Все были заняты делом: кто-то чистил овощи, кто-то перебирал крупу, помощницы исчезали в погребе с пустыми корзинами и возвращались с деликатесами для господского стола. Эрике нравилось наблюдать за этой простой мирной жизнью.

Но привычный ритм нарушили торопливые, сбивающиеся шаги в коридоре. Она вскинула голову. Дверь рывком распахнулась, и несколько слуг вздрогнули. В кухню ввалился стражник без шлема, с мертвенно-бледным лицом.

— Принцесса... — он осёкся, судорожно сглотнув. — К замку приближаются... даркийцы!

В помещении повисла такая тишина, что стало слышно, как капли воды шипят на раскалённой плите. У кого-то ложка с глухим звоном упала на каменный пол. Повариха охнула и осела на скамью, хватаясь за сердце.

Взгляд Эрики мгновенно сверкнул сталью.

— Сколько? — она встала, на ходу затягивая пояс с ножнами.

— Двое, — выдавил стражник, — верхом, — он замялся, и в его глазах отразился страх, смешанный со стыдом. — И... они ведут наших... под конвоем, принцесса. Весь разведывательный отряд.

На лице Эрики мелькнуло отчаяние, но уже в следующий миг взор прояснился.

Значит, все живы. Значит, будут переговоры. Значит... ещё не всё потеряно.

Закрепив меч, она в два счёта оказалась у выхода рядом со стражником. Тот пропустил её вперёд, и они быстрым шагом устремились прочь из хозяйственного крыла.

— Докладывай, — приказала Эрика. Сейчас она была собрана как никогда.

— Мы с напарником патрулировали участок у стены, у подножия Гряды, на северо-западной границе леса. Это было около получаса назад, — он запнулся. — Двое даркийских воинов... верхом на... на чудовищах, — на последнем слове его голос дрогнул. — Они уже были на нашей стороне, будто просто вышли из скал.

— Подробности, — сухо перебила Эрика, — скорость, вооружение, состояние пленников.

— Из наших никто не ранен, — ответил он чётко.

Эрика сжала кулаки, сдерживая всплеск эмоций, и медленно выдохнула.

— Пленников ведут пешком, связаны, с кляпами, все одной линией. У даркийцев на поясе клинки.

Рука Эрики коснулась эфеса меча.

Полчаса назад... плюс время, чтобы доскакать до замка... Проклятье! Они уже должны быть здесь. Не успею надеть доспех.

Она прибавила шаг.

— В контакт с нами не вступали, не атаковали, — продолжал стражник с неподдельным удивлением. — Им будто вообще было всё равно, что мы рядом.

Картина в голове Эрики складывалась слишком ясно, и выводы ей не нравились.

— Капитан шёл первым, сразу за ездоком. Только нас увидел, жестами приказал на рожон не лезть и скакать вперёд с докладом.

Эрика со стражником уже вышли на улицу.

Первые лучи солнца окрашивали восточную часть неба в мягкие розовые тона. Свет пробивался сквозь туман, заставляя его клубиться и цепляться за верхушки деревьев и шпили замка. Призрачные громады гор неподвижно возвышались вдали, словно тени. Мгла ещё не отступила до конца, но утреннюю тишину уже нарушало тревожное оживление.

Внутренний двор был заполнен людьми. По периметру стояла стража, а на ступенях полукругом выстроилась личная охрана Мэрэка во главе с новым начальником Бодвином, коренастым лысым громилой. Они заслоняли будущего правителя и Альвену.

Эрика взглянула на брата. Лицо его в обрамлении чёрных кудрей было бледным и напряжённым, таким, будто он съел неспелый плод и винил в этом весь мир.

Обменявшись с Мэрэком коротким кивком — чистая формальность, она подошла и встала рядом с Бодвином, машинально отмечая расстановку сил и количество воинов.

Рассвет разгорался, и сад вокруг искрился росой. Капли дрожали на кончиках травинки и листьев, вспыхивая сотнями крошечных огней под первыми лучами солнца. Ожидание затягивалось, и Эрика позволила себе залюбоваться этим зрелищем. Стоять и просто смотреть,

вдыхая прохладный влажный воздух. Но в этот самый миг в ворота вбежал испуганный стражник, разрушив всю хрупкость и очарование этого утра.

Он затравленно огляделся и ринулся к ступеням замка, рухнув на одно колено перед Мэрэком.

— Мой господин... — его голос дрожал, — они уже... — он не договорил.

В проёме ворот показалась морда странного, пугающего животного — агрессивная, с горящими жёлтыми глазами и будто каменная. Несмотря на размеры, существо двигалось плавно и почти бесшумно, неся на себе всадника.

Стража у ворот в беспорядке отпрянула. Ездок лишь усмехнулся. За ним тянулась вереница пленников. Шествие замыкал второй монстр под столь же невозмутимым хозяином.

Во дворе повисла оглушительная тишина. Все смотрели на ожившие сказки и легенды о народе за Чёрной Грядой.

Даркийцы. Бледная кожа, острые скулы, длинные заострённые уши. Чёрные волосы, собранные в хвосты на затылках. Взгляды спокойные, сосредоточенные. Оба были облачены в необычные доспехи матово-чёрного цвета, словно сотканые из самой тени. Под металлическими пластинами виднелась такая же тёмная ткань. На контрасте с бледной кожей это выглядело потусторонне пугающе.

Их ездовые животные были не менее диковинны: создания, сочетающие в себе черты волка, ящера и ожившей горы. Мощное тело, лапы с тремя массивными когтями, длинный хвост, закручивающийся на конце. По хребту и голове тянулись зазубренные наросты, похожие на осколки скал.

Когда первый даркиец прыгнул на землю, стало ясно, что они разительно отличаются от людей. Высокие, атлетичные, с широкими плечами и узкой талией. Рядом с воинами Альтэрии они выглядели как вековые ели среди домашних яблонь. В них было нечто завораживающее: гордая осанка, спокойные выверенные движения, скрытая сила.

Огонь хлынул по венам Эрики, ускоряя дыхание. Ладони вспотели.

Здесь толком ничего не знали о чужаках, только слухи и легенды служили источником сведений.

Их было всего двое на вражеской территории. Но их совершенно не волновали люди вокруг.

Вернон, бывший капитан королевской стражи, — коренастый, с лёгкой сединой в бороде, — стоял связанным у одного из монстров и едва заметными движениями пальцев подавал условные знаки: «Не нападать. Ни в коем случае. Всё под контролем».

Слава богам, стража понимала эти сигналы. Альтэрийские воины были не глупы. Эрика лично отбирала и тренировала многих из них. Они знали, хищников нельзя провоцировать резкими движениями. Вот только вопрос оставался открытым — кто опаснее: звери или их всадники.

В тишине даркиец подошёл к пленникам и с лёгкостью разорвал верёвки на их руках. Просто разорвал.

Во дворе стало ещё тише. Лишь кто-то из стражи судорожно выдохнул.

Рядом с Эрикой раздался сбивчивый шёпот:

— Мой господин... Вы видите? Их нужно обезвредить сейчас, пока они отвлеклись. Если схватим, вытащим все их секреты.

У Эрики перехватило дыхание.

Бодвин. Он что, слеп? Не чувствует мощи, исходящей от них? Или просто хочет выслужиться?

Она подозревала, что Мэрэк специально отправил Вернона в горы, чтобы освободить место для своего недалёкого, но верного вояки.

Эрика напряжённо следила за даркийцами. Один оставался в седле, второй рвал последние узлы, странно усмехаясь.

Она насторожилась и хотела осадить Бодвина, как вдруг спешившийся даркиец развернулся к ним и хищно улыбнулся. Мгновение — и, растворившись в серой дымке, он появился прямо перед Мэрэком, за спинами его личной охраны. Альвена, стоявшая рядом с сыном, вскрикнула.

Чужак пристально глядел на принца сверху вниз, несмотря на то, что стоял ниже на ступенях. Затем, не отрываясь от Мэрэка, оскалился и вцепился пальцами в горло Бодвина. Начальник стражи захрипел, пытаясь схватиться за меч, но даркиец легко приподнял его над каменным полом. Стража выхватила клинки, но Мэрэк вскинул руку, приказывая не атаковать.

— Вы нарушили правило, которому ваши предки следовали восемь столетий, — низкий глубокий голос разнёсся по двору.

Мэрэк замер, словно высеченный из камня. Лишь желваки ходили под кожей, а губы побелели от напряжения.

— Сегодня мы возвращаем вам ваших... лазутчиков, — даркиец притянул Бодвина ближе, задержавшись на его уже посиневшем лице, — но... второго шанса не будет, — почти выплюнул угрожающе и отшвырнул от себя начальника стражи.

Тот рухнул на камни, хватая ртом воздух. Даркиец скользнул взором по Эрике и в следующее мгновение уже был в седле.

— Когда сумерки укроют долину и взойдёт полная луна, — эхом прокатились слова, — ожидайте голос и длань нашего Владыки — господина Чиёки. — Не обращая внимания на потрясённые лица вокруг, он добавил: — Мы лишь патрульные, что доставили нарушителей.

Чужак погладил своего зверя, коротко переглянулся с собратом, и оба скрылись за стенами замка.

Мэрэк стал ещё бледнее, как если бы из него выкачали кровь. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, и медленно, с усилием выдохнул, сдерживая себя. Он обвёл двор тяжёлым взором, задержался на лежащем у ступеней Бодвине и лекаре, что уже осматривал его. Во взгляде не было ни тревоги, ни сочувствия, лишь холодное раздражение.

— Эрика. Вернон. В мой кабинет.

Он развернулся и без промедления ушёл в замок. Эрика смотрела ему вслед, затем резко обернулась и бросилась к пленникам.

Вернона уже окружили: кто-то подавал воду, кто-то торопливо осматривал запястья, сдирая остатки верёвок. Эрика пробежала по нему глазами — морщинки-лучики, крепкие, привычные к мечу руки, широкие плечи.

Цел. Жив.

И только после этого она позволила себе выдохнуть. Её наставник, соратник и просто друг — единственный, кого она теперь считала семьёй, — был в порядке.

Они не сказали друг другу ни слова. Лишь обменялись рукопожатием до локтя и направились следом за Мэрэком.

Глава 3. Страх

Дубовые двери кабинета захлопнулись с таким грохотом, что эхо ещё долго дрожало в доспехах стражников, оставшихся в коридоре. Внутри пахло дорогим табаком, старой кожей и отчётливо — страхом, который Мэрэк безуспешно пытался прикрыть яростью.

Принц не сел в кресло. Он мерил комнату шагами, заложив руки за спину так туго, что пальцы побелели. Альвена застыла у окна. Её тонкий силуэт на фоне светлеющего неба казался вырезанным из бумаги. Она не вмешивалась, и именно это давило не меньше, чем вспыльчивость её сына.

— Девять человек, — голос Мэрэка сорвался на высокой ноте. Он резко остановился и обернулся к вошедшим. — Девять лучших воинов Альтэрии. Моя элита! И вас возвращают домой как нашкодивших щенков, за шкуру, на глазах у всего замка! Вернон, я жду объяснений, которые оправдали бы этот позор.

Вернон стоял неподвижно. Даже без доспехов, в грязной походной одежде, он сохранял ту самую невозмутимость, которой Эрика всегда в нём восхищалась. Но сейчас она видела то, чего не замечал брат: глубокие тени под глазами капитана и то, как упорно он избегал взгляда на карту, разложенную на столе. Там жирной чёрной линией была отмечена граница — Гряды.

— Мы не могли сопротивляться, мой господин, — глухо ответил Вернон.

— «Не могли»?! — принц гневно ударил кулаком по столу.

Чернильница подпрыгнула. Мэрэк с ядовитой усмешкой шагнул к капитану.

— Вас было девять вооружённых мужчин против двоих всадников!

— Нас было девять человек против существ, которые игнорируют законы природы, — Вернон наконец поднял взгляд, но в нём не было вины, лишь холодное спокойствие. — Они не сражались с нами. Они нас... погасили словно пламя свечи — одним движением пальцев.

Эрика невольно напряглась. От его слов по спине пробежал холодок.

— Погасили? — Мэрэк перестал кричать. И это было хуже. Его голос стал вкрадчивым. — Ты хочешь сказать, капитан, что мои воины просто уснули на посту?

— Я хочу сказать, — Вернон сделал шаг вперёд, — что мы не пересекли даже первого рубежа, когда столкнулись с их дозором, — он провёл ладонью по лицу, стряхивая усталость. — Первые сутки мы двигались вдоль подножия Гряды на север в поисках удобного места для восхождения. Но вы и сами знаете, с нашей стороны это лишь цепь острых отвесных скал, словно спаянных между собой.

Мэрэк опёрся о край стола и выжидающе смотрел на капитана. Вернон вздохнул и продолжил:

— На исходе вторых суток мы разбили лагерь. Лес подходил почти вплотную, а скала за спиной давала ощущение опоры. Пока готовили ужин, суeta улеглась, и я обратил внимание на звук. Ветер в горах всегда одинаковый, а тут он стал прерывистым, будто где-то была пустота.

— Щель, — негромко пробормотала Эрика.

Вернон посмотрел на неё.

— Мы подумали так же. Когда костёр разгорелся, свет лёг на скалу иначе. Тени зацепились за выступ высоко над землёй.

— И вы решили проверить, — произнесла Эрика, отмечая грязь под ногтями капитана.

— На рассвете, — подтвердил он. — Подъём занял весь день. Нам повезло, никто не сорвался. За выступом действительно была пещера — широкий рукав, уходящий вглубь. А с выступа открывался такой простор, что земля внизу казалась бесконечной. Слишком хороший обзор, как я теперь понимаю, — Вернон на секунду замолчал, переводя дух. — Мы решили, что удача наконец улыбнулась нам. Но мы ошиблись. Ошиблись в том, что вообще посчитали это удачей.

Голос его дрогнул, Вернон хрипло закашлялся. Эрика, не спрашивая брата, налила воды из кувшина и протянула бокал капитану. Мэрэк лишь сжал челюсти, а Альвена поджала губы, но промолчала.

— Продолжай, — грубо приказал принц.

Вернон благодарно кивнул Эрике и сипло заговорил:

— Мы разместились на ночлег прямо у входа, не разводили сильный огонь, не шумели и... не сразу, но заметили странности. Звуки начали искажаться. Ветер снаружи выл, но внутри будто сами стены гасили его. Даже наши голоса теряли силу, а потом и вовсе исчезли. Пламя горело, но беззвучно. Казалось, Гряда отторгает саму мысль о нашем присутствии.

— Такие слова больше подошли бы мальчишке, впечатлённому сказками, а не капитану стражи, — сухо заметила Альвена.

Мэрэк усмехнулся, соглашаясь. Эрика сжала кулаки от злости.

Вернон лишь вздохнул.

— Я остался в карауле. Тишина стояла оглушающая. Я сидел у края выступа и смотрел вниз на чёрные верхушки деревьев, пытаюсь понять, что именно здесь не так. А потом я увидел птицу, чёрную, слишком крупную. Она сидела в нескольких шагах и смотрела на меня. Не пугалась, не улетала, просто изучала. И я... — Вернон запнулся, — я не понял, как она там появилась. Она возникла из ниоткуда. Потом птица наклонила голову, а через мгновение взмыла вверх. И тогда я догадался, нас заметили.

— Даркийцы? — тихо спросила Эрика.

— Горы, — усмешка его вышла невесёлой, — а это, как оказалось, одно и то же.

Мэрэк скептически приподнял бровь, Альвена пренебрежительно фыркнула. Эрика же напряглась и неотрывно смотрела на наставника.

— Через час меня сменили. А на рассвете мы проснулись от вибрации. Не звука — именно вибрации. Она шла из глубины пещеры, накатывая волнами по камню и своду, пробирая до костей.

Он невольно передёрнул плечами, и королева скривилась, заметив этот признак слабости, как она считала.

— Мы вскочили, выхватили мечи. Караульный уже стоял в боевой стойке. — Вернон медленно выдохнул. — И тогда звуки исчезли окончательно. Ни лязга стали, ни моих команд, ни дыхания рядом стоящих людей. Мы стояли в полной тишине, в безмолвном ожидании, будто мир замер и осталась только эта нарастающая дрожь в скалах.

Подняв глаза на Мэрэка, он продолжил:

— Из темноты вышли двое. Высокие силуэты в чёрной броне, каждый шаг которых отзывался в камне волной содрогания. Даркийцы. Они не доставали оружие, просто подошли и остановились на расстоянии вытянутой руки. И в тот же миг всё стихло. Звук не вернулся. Мы видели, как шевелятся губы одного из них, но не слышали ни слова.

Королева с сыном переглянулись.

— Вместо этого по черепу, — Вернон постучал пальцами по виску, — прокатилась вибрация. Не боль, не удар... узнавание. Слово возникло внутри головы, минуя слух, будто переданное напрямую — через кость, через плоть: *Alt-eri*. А потом даркиец щёлкнул пальцами, и мир погас.

В кабинете воцарилась тяжёлая тишина. Эрика видела, как напряглась рука Вернона, сжимающая пустой бокал. Он не просто рассказывал — он заново проживал тот ужас.

— Вибрация в костях? — Мэрэк первым нарушил молчание, и его смешок прозвучал как надрывный лай. — Ты стареешь, капитан. Твой разум подкинул тебе оправдание, чтобы не признавать очевидного: вас застали врасплох и выставили дураками. А ты пришёл сюда сказки рассказывать.

— Мэрэк, — голос Эрики был предостерегающе тих, — он говорит правду. Ты сам видел, что один из них сделал с Бодвином во дворе.

— Я видел ловкий трюк! — вскинулся принц. — Оставьте нас. Оба. И молитесь богам, чтобы к полнолунию я придумал, как смыть это пятно с репутации Альтэрии.

Эрика и Вернон вышли в коридор. Двери кабинета отсекали их от холодного взгляда мачехи.

— Он не поверил, — глухо произнёс Вернон. — Он думает, что это вопрос стратегии, а не выживания.

— Он поймёт, — Эрика коснулась плеча наставника.

— Боюсь, принцесса, что когда он поймёт, будет уже слишком поздно.

Он ушёл, не оборачиваясь. Эрика смотрела ему вслед, понимая, Мэрэк совершает роковую ошибку.

Весь оставшийся день замок гудел. Слухи о «безмолвных войнах» расплзались по кухне и казармам быстрее, чем туман по низинам. Вечером Мэрэк вместе с Альвеной заперлись в зале совещаний с советниками и Бодвином. Они спорили до хрипоты, планируя ответный удар или усиление границ. Эрика знала, ни то, ни другое не имело смысла.

Голоса за дверью были резкими, полными опасного невежества. Её и Вернона позвали лишь спустя час. Когда они вошли, в зале разом стихло. Альвена, неизменная тень сына, расплылась в улыбке. У Эрики внутри всё похолодело.

— А вот и наша принцесса, — подозрительно мило заворковала мачеха.

Мэрэк оценил сестру долгим торжествующим взглядом, будто впервые видел в ней не помеху, а некое ценное имущество.

— Садись, милая. Кажется, мы нашли решение... — обратилась к ней Альвена.

— Чувствую, оно мне не понравится, — пробормотала Эрика, отодвигая тяжёлый стул.

Их «выход» действительно оказался чудовищным: скрепить узами брака принцессу Альтэрии с одним из знатных даркийцев, чтобы купить мир. Альвена и советники рассуждали о выгодах союза, но их истинные мысли читались на лицах без слов: издевательском — у Мэрэка, ликующем — у мачехи, трусливых — у лордов.

— Кто, как не вы, способны достойно представить наш род. Вы — истинная Альтэри! — провозгласил старший советник Галлар, пристально смотря на Эрику. — В вас лицо, кровь и сама стать покойного короля. Только ваше присутствие за Грядой заставит их считаться с нами.

В зале стало слишком тихо. Эрика кожей почувствовала, как изменился воздух. Она повернулась к брату и увидела, как он вспыхнул. Его прозрачные глаза сузились, став похожими на острые осколки льда, за которыми больше не было места теплу, а губы искривились в такой откровенной ненависти, что Эрике на мгновение сделалось трудно дышать. И в этом яростном взгляде она вдруг прочитала всё. Теперь казалось очевидным то, чего она не хотела замечать годами. Мэрэк видел в ней не опору, как ей мечталось когда-то, а живое напоминание о собственных слабостях. Эрика была дочерью своего отца: высокая, статная, сошедшая с портретов древней династии, которая веками ассоциировалась с силой и властью. Мэрэк же уродился весь в мать: черноволосый, кудрявый, среднего роста, с чертами, которые Альвена годами пыталась выдать за «гибкость стратега», скрывая за ними несоответствие образу правителя Альтэрии.

Он всегда чувствовал себя чужаком в собственной родословной. И теперь, когда советник напомнил ему о «статном отце», ненависть к сестре стала почти осязаемой. Мэрэк ненавидел её за то, что в глазах других именно она, женщина, была воплощением их рода, в то время как он оставался лишь тенью. Он понял, ему никогда не стать таким, как Эрика. Слишком многое приходилось компенсировать хитростью и расчётом.

— Именно поэтому, — голос Мэрэка прозвучал как скрежет стали по камню, — Эрика и отправится к ним. Как наше самое ценное достояние.

Он произнёс это с издёвкой, но Эрика не проронила ни слова. Она видела всё насквозь. Её просто хотят выставить за порог, вышвырнуть из дома живое напоминание о его несостоятельности.

Странно, но ей было почти всё равно. Обида, годами копившаяся внутри, вдруг перегорела, оставив после себя лишь холодный пепел. Озарение пришло слишком поздно, чтобы что-то исправить, и слишком вовремя, чтобы она перестала искать оправдания его жестокости. Их отношения не были разрушены только что — они никогда и не существовали. Мэрэк не был её братом. Он был будущим правителем, который избавлялся от опасного конкурента, и мужчиной, который мстил женщине за собственное несовершенство.

Она смотрела на него в упор, и её молчание давило на него сильнее любых обвинений. Она видела, как он занервничал, как дёрнулся уголок его губ. Он ждал слёз или протеста, но получил лишь ледяное спокойствие.

Эрика неспешно отвела взгляд от брата, словно тот перестал для неё существовать, и наткнулась на Вернона. Наставник был единственным, чья реакция для неё ещё имела значение. Он смотрел на неё со смесью дикого ужаса и отчаянья, едва заметно качая головой и безмолвно умоляя: «Не надо! Не смей соглашаться!»

Сердце Эрики сжалось от чувства благодарности и тепла. Только Вернон оставался тем, кто в этом зале видел в ней человека, а не символ или товар.

Но какое решение она могла предложить? Даже сильнейшая мечница королевства, что она могла противопоставить существам, против которых сталь бесполезна, а любая доблесть оборачивается беспомощностью?!

Эрика была готова стать заложницей ради мира. Живым щитом между своим домом и теми, кем до сих пор пугают детей.

Но она ещё не знала, что через несколько часов будет прятать одного из этих существ от собственных стражников. Того, кто пахнет холодом и свежестью туманного утра у подножия гор.

Глава 4. Гряда

Кэл выдохнул и шагнул в пустоту, оставив растерянную принцессу в саду.

Контуры даркийца размылись, превращаясь в чёрную дымку, и через миг он уже стоял за пределами земель Альтэрии, по другую сторону Гряды. В лицо ударил колючий холод. Воздух здесь был кристально чистым и таким острым, что обжигал лёгкие, словно дыхание самих ледников. Но в нём, упрямо и неуместно, всё ещё оставался едва уловимый аромат летних трав. Тот самый, что Кэл чувствовал рядом с принцессой. Запах будто застрял в носу, мешая сосредоточиться.

Кэл глубоко вдохнул, ощущая, как внутри расправляется невидимая пружина, а грудь наполняется горной свежестью.

Гряда встретила его низким, почти неразличимым гулом, который отозвался в костях. Здесь он был дома. Здесь он был частью целого.

Он стоял на обзорной площадке, вырубленной прямо в скале. Внизу раскинулась долина: изумруд в суровой оправе чёрных гор, где леса, луга и холмы сменялись искрящимися озёрами и водопадами. Деревни и города без крепостных стен тянулись живой сетью. Одно государство. Один народ. Одна семья. Тэкхár — его дом, земля, которую он поклялся защищать.

У подножия Гряды высился замок Владыки, высеченный в отроге горы из чёрного камня даркия, в честь которого люди дали имя его народу.

Камень под ногами отозвался ровно, спокойно. Резонанс выравнивался, собираясь в привычный ритм.

— Ты поздно, — голос не прозвучал, а возник в голове, вибрируя на той же частоте, что и скалы.

Воздух в паре шагов за Кэлманом начал густеть. Тонкие струйки антрацитового тумана, похожие на чернила в чистой воде, стали сплетаться в высокую фигуру. Владыка не проявлялся до конца: очертания плыли, а на месте глаз зияла абсолютная, поглощающая свет чернота.

— А ты рано, — откликнулся Кэл, не оборачиваясь. — Обычно даёшь мне время снять сапоги.

Туманная фигура качнулась ближе. По коже пробежал морозный разряд.

— Ты задержался, Кэлман, — голос дрожал совсем рядом, тихий, как шелест в ущелье.

Он сделал шаг. Кэл инстинктивно подался вперёд, но вовремя отдернул руку. Касаться его сейчас — всё равно что пытаться удержать воду в решете.

— Син... — выдохнул Кэлман.

Владыка медленно склонил голову. Его глаза-провалы на миг дрогнули. Он посмотрел на свои полупрозрачные руки, от которых при движении отслаивалась чёрная взвесь, подобно вековой пыли. Затем перевёл взгляд на долину.

— Ничто не вечно, друг мой. Я давно чувствую, как Источник тянет мои последние силы. Как тишина внутри становится слишком громкой, — его речь, когда-то живая и жизнерадостная, теперь доносилась глухо, словно из глубины колодца. — Гряда тянет меня, Кэл. Каждую ночь... она забирает по частице, — голос на мгновение дрогнул, рассыпавшись на сухие неразборчивые звуки.

Казалось, что слова сорвались с губ раньше, чем они были произнесены. Синтár замер, переживая вспышку «помех», и когда заговорил снова, его тон стал ещё более бесцветным.

— Раньше я ощущал силу источника в себе, а теперь я с трудом ощущаю самого себя. Скоро сердце гор потребует остаток.

Кэл похолодел. Он знал, что это значит. Владыка — проводник и голос Источника, силы, питающей Гряду и весь Тэкхár. Когда Владыка растворится, Источнику понадобится новый проводник и новая жертва. И этой жертвой станет он.

Владыка с сожалением смотрел на своего преемника.

— Эта безликая мощь требует всё, — прошептал Синтáр, и его силуэт на миг подёрнулся рябью. — Она не оставляет нам права на собственное «я», — в его голосе впервые прозвучала живая печаль.

Между ними повисла тишина. Ветер завывал в расщелинах, оплакивая неизбежное.

— Так что тебя задержало? — наконец спросил Владыка, глядя на мерцающий огнями город внизу.

— Люди, — усмехнулся Кэл, — они медлительны в своих решениях, Синтáр. И мыслят странными категориями, — он посмотрел туда, где солнце пряталось за острыми вершинами гор, оставляя розовый отсвет. — Дошли до того, чтобы отдать нам в невесты свою принцессу.

— Ту самую принцессу-воина? — Владыка всматривался в него. — О которой говорят?

— Да. Наследницу того рода, который правил веками. Она не похожа на этого слабого мальчишку, готовящегося надеть корону. В ней есть стержень... и странная, непонятная мне, бурлящая жизнь.

Кэл вспомнил, как Эрика стояла на балконе. В памяти всплыло тепло её запястья в своей руке и то, как она не отвела взгляд. Это было... необычно.

— Жизнь? — прошелестел Синтáр. — Принцесса тебя заинтересовала?

— Скорее, удивила, — задумчиво ответил Кэлман. — Она довольно рациональна. Думаю, если её посадить на трон, лет сто-двести у нас точно не будет проблем с Альтэрией.

— Это возможно? Разве не принц должен надеть корону? Или ты хочешь действовать радикально? — Синтáр приблизился к Кэлу.

— Радикально — в крайнем случае. У людей много тайн. И они забывают, что даже у стен есть уши, — он посмотрел наставнику прямо в глаза.

— У тебя есть козырь, — понял Владыка.

— И не один, — Кэл хмыкнул.

— Тогда решение за тобой, — поставил точку Син, и его контуры начали медленно падаться обратно во взвесь.

Когда Кэлман остался один на площадке, он глянул на свои руки, крепкие, плотные, живые. Сколько ему ещё осталось? Двести лет? Четыреста? Пока Гряда не начнёт пить его так же, как сейчас пьёт того, кто всегда был ему наставником и другом.

Глава 5. Кровь и Воля

Ночь уже легла на замок, укрыв башни и галереи тьмой. Коридоры опустели. Факелы догорали, оставляя на каменных стенах вытянутые тени. После совета замок будто затаил дыхание. Слишком многое было сказано, слишком многое решено. Альвена шла быстро, не озираясь. Тяжёлый подол платья шуршал по плитам, нарушая тишину. У дверей кабинета старшего советника она остановилась лишь на мгновение, а затем вошла без стука.

Галлар поднял голову от бумаг и тут же встал, выходя из-за стола ей навстречу.

— Ваше величество...

Статный, широкоплечий, с выверенной осанкой человека, рождённого стоять у власти. Тёмные вьющиеся волосы аккуратно убраны назад. Лицо — волевое и жёсткое, с резко очерченными скулами и мощной линией подбородка, прямым носом. Глубоко посаженные серые глаза смотрели внимательно и цепко — взгляд политика, мастерски читающего людей, как карты.

Он был одет без показной роскоши, но с достоинством и знанием своего положения. Камзол придавал фигуре почти военную выправку, а белый шейный платок, завязанный тугим узлом, завершал образ человека, привыкшего держать всё под контролем.

И всё же Альвена видела то, что было скрыто от других: едва заметное напряжение в его плечах и то, как жадно он ловил её взгляд. Для всего королевства он был незыблемой опорой трона, тем, чей холодный рассудок не знал осечек. Для неё — лишь инструментом, который она когда-то выковала сама.

Она закрыла за собой дверь и медленно, с вызывающим щелчком, повернула ключ в замке.

— Мы не на совете, Галлар. Оставь эту строгость для лордов.

Комнату заливал неровный свет множества свечей. Пахло воском, чернилами и дорогим вином. Альвена прошла внутрь и остановилась рядом с мужчиной, опираясь ладонью о тёмное дерево столешницы. Медленно сняла перчатки, положила их на край. Советник замер, потом по давно заученному ритуалу опустился перед ней на одно колено. Он взял её ладони в свои, целуя сначала пальцы, потом запястья.

— Моя королева, — голос был полон преклонения и желания.

Альвена без тени смущения смотрела на него сверху вниз, неподвижная, холодная. Чёрные волосы были убраны в сложную причёску, перевитую тонкими серебряными нитями. Платье — чёрное, расшитое золотом, с узким корсажем и длинными рукавами — сидело как доспех. Не наряд, облачение власти. Она позволила Галлару держать её руки ровно столько, сколько считала нужным, затем мягко высвободилась.

— Встань. Ты не на исповеди.

Он поднялся и отступил на шаг. Тёмный наряд из плотной шерсти, высокий воротник и строгий крой которого подчёркивали ширину плеч, делал его похожим на покорного слугу, застывшего перед госпожой.

— Совет прошёл... удачно, — она обошла стол, оставив советника за спиной. — Даже лучше, чем я ожидала.

— Ты была убедительна, — признал Галлар. — Никто не осмелился возразить.

— Разумеется. Я напомнила им, что Альтэрия стоит на пороге войны. А страх — лучший союзник, — остановившись у окна, Альвена выглянула в ночной двор. — Идея с браком была блестящей, — заявила она самодовольно и повернулась, — моей идеей.

Галлар нервно сжал пальцы.

— Ты тоже сегодня был убедителен, — продолжила королева спокойно. — Совет колебался, но ты вовремя взял слово.

— Я сделал то, что должен был, — голос стал тихим, будто он сомневался в собственных словах. — На тот момент мне казалось, что это и правда выход.

— Нет, — она медленно склонила голову, глядя на него через плечо и улыбаясь. — Ты сделал то, что нам было нужно.

— Я лишь поддержал тебя, — он не ответил на её улыбку, наоборот, отвернулся, налил ей вина.

Альвена приняла кубок, поднесла к губам.

— Ты сделал больше. Ты направил совет в необходимое русло быстро, чётко, без колебаний.

Она подошла ближе, положила руку ему на грудь, легко провела ладонью по золоту парчового жилета. Галлар вздрогнул.

— Теперь Эрика исчезнет из уравнения. Символ короны, любимица стражи, живая легенда... — Альвена смаковала каждое слово, наслаждаясь вкусом долгожданного триумфа. — Идеальная жертва ради мира, которую никто не посмеет оплакивать вслух.

На её лице расцвела торжествующая, почти хищная улыбка. Она подалась вперёд, обдав Галлара ароматом горьких духов. И вдруг резко отстранилась.

— И наш сын, Галлар, останется единственным наследником, — она взяла свой кубок, победно подняв, и сделала глоток. — Без теней прошлого за спиной. Теперь ему ничего не угрожает.

Между ними повисла тишина. Советник начал мерить кабинет шагами.

— Ты слишком уверена в этом, Альвена. Мэрэк не готов. Ты это знаешь. Ты видела его сегодня, — в голосе проклюнулась паника. — Он теряет контроль, он чувствует, что трон ему не по зубам.

— Трон — это всего лишь кресло, — холодно ответила она и вновь подошла ближе, заглядывая в глаза. — Он похож на тебя, Галлар, в своём упорстве. — Её губы тронула многозначительная усмешка. — В умении выжидать, в привычке держать удар и в страхе потерять всё сразу. Но власть создаётся волей. И я дала ему свою. Этого должно хватить.

— Воля не заменит кровь! — отрывисто бросил советник. — Неужели ты забыла, как тот даркиец смотрел на него утром? Он его изучал. Как мясник изучает тушу. А на Эрику взглянул лишь мельком.

Альвена разочарованно цыкнула языком.

— Ты боишься.

— Конечно, я боюсь за нашего сына, — Галлар повысил голос, но тут же испуганно притих, покосившись на запертую дверь.

Он налил себе вина, рука его заметно дрогнула, и капля рубиновой жидкости упала на карту Гряды, расплываясь кровавым пятном. Он выпил залпом, словно пытался заглушить не жажду, а совесть.

— Он чувствует, что его не принимают, — продолжал он. — Он видит, как стража смотрит на Эрику с уважением. И как смотрят на него — с ожиданием ошибки. Он знает это на уровне инстинкта.

— Инстинкты можно подавить, — спокойно возразила она.

— А кровь — нет! — Галлар почти выкрикнул это.

В его глазах отразилась мучительная смесь отцовской гордости и понимания того, какую участь они уготовили мальчику.

— В нём нет той стати, что была у твоего мужа. В нём моя осторожность, превратившаяся в трусость, и твоя гордыня. Люди это видят. Он и сам это ощущает.

— В нём есть ты, — Альвена ткнула его пальцем в грудь. — И я, — добавила она высокомерно, подняв подбородок: — И я... дала ему власть.

— Ты слишком легко убираешь тех, кто тебе мешает, — он покачал головой.

— Я просто не позволяю прошлому удерживать будущее, — Альвена поставила кубок на стол и грациозно повернулась к нему.

Советник горько усмехнулся.

— Альвена, он нарушил договор. Привёл даркийцев к нашим воротам.

— Он совершил ошибку, — Альвена поморщилась и смахнула невидимую пылинку с рукава, — досадную, глупую, но всего лишь ошибку. Юношеский порыв, который мы обернули в свою пользу.

— Которая может стоять ему и нам всем жизни! — Галлар подался вперёд, поражённый её спокойствием.

Между ними повисла тяжёлая пауза.

— Я посадила нашего сына на трон не для того, чтобы он лишился головы из-за твоих страхов.

Галлар смотрел на неё долго. Тишина в кабинете стала такой густой, что слышно было только потрескивание свечей. Он искал в чертах королевы хоть каплю материнской тревоги, но находил лишь холодный отблеск неутолимой жажды власти.

— Ты превратила нас в заговорщиков, — усталое принятие пропитывало слова.

— Я превратила нас в правителей, — она отвернулась. — И если для этого придётся пожертвовать принцессой, то я не дрогну.

— Ты играешь с силами, которые не понимаешь, — он неловко опустился в кресло.

— Я управляю теми, кто думает, что понимает, — парировала она голосом, полным высокомерия. Потом направилась к двери и обернулась. — Завтра весь двор будет говорить о великом союзе, о спасении Альтэрии и о мудрости королевы. А ты будешь улыбаться и кивать.

Это был приказ, но Галлар не ответил. Когда дверь закрылась, он остался один — с вином, картами и осознанием, что пути назад больше нет. И что завтра он снова наденет маску верного слуги короны.

Глава 6. Новая встреча

В тот вечер после встречи с Кэлом Эрика вернулась в покои, сгорая от стыда за свою наивность перед существом, чья сила выходила за пределы понимания. Но к стыду примешивалась паника, что сжимала горло тугой удавкой, и странный предательский трепет, который пробуждала в памяти чёрная бездна его глаз.

Его слова всплывали снова и снова, будто кто-то намеренно прокручивал их в её голове: «Воюют с равными».

Что он имел в виду? Предупреждение? Угроза? Или приговор? А это брошенное даркийским патрульным: «Второго шанса не будет». Если они не считают людей равными, значит ли это, что с лёгкостью сотрут Альтэрию с лица земли? Что её родина, её дом для них — лишь песочный замок перед приливом?

Беспокойство сдавливало грудь, не давая свободно вдохнуть. А сквозь страх упрямо и не к месту пробивалось иное чувство — трепета и тревожного притяжения к его холодной сдержанности и уверенности. Этому чувству Эрика не могла найти названия, и оно не отпускало её даже в коротком рваном сне.

А на следующее утро Эрику накрыла вязкая апатия от безысходности принятого советом решения и от осознания пропасти между ней и Мэрэком, наполненной его жгучей завистью и ненавистью.

Она еле собрала себя для утренней тренировки. Погода за окном будто чувствовала её настроение и встречала плотным молочно-белым туманом. Он стелился между деревьями, прятал знакомые тропы и размывал очертания леса, делая мир странно безликим и чужим.

А где-то за этой пеленой была Гряды, невидимая, но осязаемая, как гнетущее присутствие, как напоминание о грузе, лежащем у неё на плечах.

После физической нагрузки стало немного легче дышать. Но Вернон устроил ей суровую отповедь и долго взывал к здравому смыслу, пока не понял, что её глаза отражают лишь пустоту с тенью обречённости и то упрямое благородство, что всегда было присуще её крови.

Эрика и сама понимала абсурдность решения совета. И Кэл вчера лишь подтвердил её опасения.

Вопросы не отпускали, давя тишиной отсутствующих ответов. Мысли кружили, затягивая в воронку тревоги. Но выхода она не видела, не понимала, что можно предложить даркийцам, чтобы сохранить мир.

— Я всё прекрасно осознаю, Вернон, — Эрика устало потёрла виски. — И если у тебя есть другой вариант, то давай. А если нет, то...

Она не договорила. Несколько секунд смотрела на него тяжёлым взглядом. Потом, не дожидаясь ответа, развернулась и ушла делать то, что умела лучше всего, то, что возвращало ей ощущение равновесия и силы.

Ей нравилось патрулирование города наравне со стражей, разговоры с жителями, тренировки и обучение новичков. Она любила просто бродить по улочкам, наблюдать за этой шумной, бьющей ключом жизнью. Болтать с людьми ни о чём и обо всём. Только так она чувствовала себя счастливой, нужной и на своём месте.

Когда Эрика оседлала коня для спуска в город, солнце стояло в зените. Земля и воздух прогрелись не знойным, но ещё летним теплом. Дорога верхом занимала всего четверть часа и шла вниз с возвышенности. С каждым шагом коня долина открывалась всё шире. Сначала — только лес и верхушки гор: на юге и востоке острые, вечно заснеженные пики древнего хребта, на западе — чёрные отвесные скалы Гряды, грубые и изломанные, с ледниками на вершинах, сверкающими холодным серебром. Гряды создавала яркий контраст с мягкой зеленью долины и казалась совершенно чужеродной.

Эрика придержала коня на полпути, давая себе минуту.

Внизу, огибая озеро с кристально чистой водой, которое сейчас сверкало солнечными бликами, лежал город — черепичные крыши, белые стены, узкие улочки, сбегающие к берегу. Дальше долина разворачивалась широким ущельем: река, взявшая начало у высокогорного озера, прорезала её насквозь, уходя вдаль, образуя каскады и водопады. Со стороны замка, стоявшего на отдельном скалистом уступе, было хорошо видно, как водная артерия королевства собирает вдоль берегов деревни и города, выстроившиеся цепочкой до самого горизонта. Там, на севере, река пронизывала крепостную стену — сквозь массивную решётку в её основании — и текла дальше, за последний рубеж перед внешним миром. По обе стороны стены зубчатые башни врезались в горные склоны, замыкая долину.

Она знала каждый изгиб реки, каждый поворот дороги. Обычно этот вид наполнял её гордостью и покоем. Сегодня — только горечью. Её собирались обменять на иллюзию спокойствия для этого края.

Эрика тронула поводья и продолжила спуск.

Город встретил её, как всегда, тепло, будто народную героиню. Дети махали руками, торговцы наперебой предлагали лучшие товары, горожане останавливались, спрашивали о делах, желали доброго дня, звали отобедать. Кто-то протянул ей яблоко, кто-то сунул в ладонь тёплый пирожок, кто-то просто коснулся руки — на удачу.

Она чувствовала их любовь и признание всем сердцем, но сейчас это лишь ранило. Чувство вины разъедало её изнутри. Эрика не стала задерживаться, лишь проверила посты стражи, стараясь не смотреть в глаза солдатам, и вернулась в замок, когда солнце уже начало клониться к острым пикам Гряды. Но лучше бы она задержалась. Тогда бы ей не пришлось встретить Мэрэка. Пыльная, пропахшая лошадьё и ароматами еды с городских улиц, она шла по коридору, когда сзади донёсся холодный, насмешливый голос брата.

— Ты слишком много времени проводишь с простым человеком, Эрика. Начинаешь даже пахнуть как они.

Она остановилась, не оборачиваясь. Усталость на мгновение сменилась глухим раздражением.

— Народ хотя бы знает меня в лицо, Мэрэк, — спокойно проговорила она, наконец повернувшись к нему, — в отличие от тебя. Они должны видеть в правителях опору, а не просто тени, скрывающиеся за толстыми стенами замка.

Раньше Эрика думала, что его затворничество — это высокомерие. Теперь она разглядела правду: это была элементарная трусость. Мэрэк боялся собственного народа так же сильно, как боялся даркийцев. Он чувствовал, что люди видят его несоответствие крови правящего рода.

Лицо брата исказилось. Он сделал шаг вперёд, его взгляд скользнул по её запястьям, рубашке и перевязи меча.

— В полнолуние ты должна вспомнить, что ты женщина, в конце концов, — процедил он приказным тоном. — И вести себя соответственно роли, которая тебе отведена. На приём ты явишься одетой подобающе. Не как... самозванный генерал, а как женщина.

Он намеренно не сказал «принцесса». Он хотел лишить её титула, статуса, силы, сделать товаром, который можно выгодно сбыть.

Эрика сжала зубы. Мэрэк бил по самому больному. Она знала, что не похожа на изящных придворных дам, пахнущих духами и знающих толк в кружевах. Она была воином в стране, которая не знала войн сотни лет. Её позиция вызывала у придворных мужчин либо страх, либо насмешливое недоумение. Её одиночество было ценой, которую она платила за свою силу, и сейчас брат превращал это одиночество в ледяную клетку, из которой не было выхода.

Она ничего не ответила. Мэрэк смерил её презрительным взглядом и удалился, оставив её разбитой и опустошённой. Эрика повернулась к стене и прижалась к ней лбом. Холодный камень приятно остужал кожу, приводя мысли в порядок. Она глубоко вздохнула.

— Плохой день? — раздался голос за спиной.

Она узнала его сразу, лёгкая хрипотца запустила табун мурашек по коже. Эрика медленно обернулась. Кэл стоял, сложив руки на груди и небрежно оперевшись спиной о стену.

— Добрый вечер, принцесса, — поприветствовал он её негромко.

Веки полуприкрыты, во взгляде всё та же уверенность и ленивое любопытство. Эрика растерялась. Кого угодно, только не его она ожидала увидеть в коридорах замка. Этот мужчина выбивал её из колеи.

Мужчина?!

Боги, она и вправду поймала себя на мысли, что воспринимает его не как монстра из легенд, а как мужчину. Щёки опалило румянцем, но стыд тут же перерос в злость. Сначала брат, теперь он — будто сговорились.

— Опять шпионите? — она с вызовом посмотрела ему прямо в глаза.

— Наблюдаю, — совершенно спокойно ответил он.

Кэл держался так, будто был не на вражеской территории, а в лесу, изучая повадки животных. Он шагнул к ней, сокращая пространство до минимума. Эрика и забыла, какой он высокий. Рядом с ним она почувствовала себя... хрупкой.

— С тех пор, как на нашем пороге объявились вы... — она вскинула подбородок, пытаясь заглушить робость, — все дни стали плохими.

— Не мы это начали, принцесса, — усмехнулся даркиец.

Понимая его правоту и ощущая гадкое чувство бессилия, она поспешила сменить тему.

— Вы ведь знаете моё имя и всё равно упорно зовёте «принцессой», — в её голосе прозвучала невольная обида.

Кэлман вопросительно вздёрнул бровь.

— Мы с вами не в том положении, принцесса, — он сделал жёсткое ударение на последнем слове, — чтобы обращаться друг к другу по имени.

— Но вы назвали мне своё! — встрепелась Эрика.

— Вы спросили — я ответил, — он просто пожал плечами.

Её глаза удивлённо округлились.

— Хотите сказать, что если я задам вопрос, вы просто ответите? — с недоумением проговорила она.

— Попробуйте, — хмыкнул Кэл.

За мгновение в её голове пронёсся целый рой вопросов, но она задала самый главный:

— Вы хотите нас уничтожить?

— Если бы мы этого хотели, мы бы уже это сделали, — Кэлман посмотрел на неё сначала серьёзно, а затем едва заметно улыбнулся. Так улыбаются взрослые, когда ребёнок задаёт наивный вопрос.

Эрика снова растерялась. В его словах была пугающая логика.

— Значит, вы всё-таки примете «дар»? — на этом слове она споткнулась, голос дрогнул. — Вы ведь говорили, что не заинтересованы.

Ей стало нестерпимо неловко, будто её предлагали в дар именно ему, и она опустила глаза. Кэл наклонился к ней ближе, почти касаясь её уха, заставляя замереть.

— Я не говорил, что мы не заинтересованы в вас, принцесса, — его голос прозвучал твёрдо, но тихо, почти шёпотом.

— Как же? — она озадаченно уставилась на него.

— Всему своё время, — он выпрямился, и в его глазах снова появилось то самое непроницаемое выражение. — А пока наслаждайтесь неведением, принцесса. Доброй ночи.

Он отступил назад и мгновенно, словно само воплощение тьмы, растворился в тени коридора.

Эрика замерла, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась оглушительной. Воздух ещё секунду назад был плотным от его присутствия, а теперь стал просто воздухом. Она сделала глубокий вдох, и только сейчас поняла, что всё это время ей было трудно дышать. «Я не говорил, что мы не заинтересованы в вас...» *Что, скажите на милость, это должно было значить?*

Глава 7. Кэлман

На этот раз Кэлман перенёлся прямо в замок Владыки — в рабочий кабинет, просторное и аскетичное, залитое мягким светом заходящего солнца помещение с балконом и видом на город внизу.

Тэххár медленно накрывали сумерки, пряча закатное светило за дальними пиками Гряды. Внизу зажигались огни, и начиналось время «ночных певцов». Нежные, но звонкие переливы раздавались со всех сторон, делая город почти сказочным. В ночной тишине звук становился объёмным, густым, осязаемым.

Кэлман сидел за столом, и зрелище перед ним его не радовало. Он ненавидел бумажную работу. Эти бесконечные горы свитков и документов, завалившие стол, раздражали сильнее любого патруля на границе. Но должность не оставляла выбора.

Уже включившись в рутинное занятие, он стал замечать, что мысли всё время возвращаются к альтэрийской принцессе — к её растерянному, смущённому взгляду, который в одно мгновение мог смениться дерзким, вызывающим. Уголки губ невольно приподнялись в лёгкой улыбке.

Когда-то, будучи ещё мальчишкой, он и сам был таким же. И потому узнавал в ней ту самую искру — упрямую, не желающую быть частью чужой воли.

Такая живая. Настоящая. Пахнущая миром вокруг: лесом, ветром, травами. Его народ ценил связь с землёй превыше всего, и в Эрике эта связь пульсировала ярче, чем в ком-либо из её сородичей.

В первую встречу он был настолько изумлён её действиями, что не придал этому значения, но сегодня ощутил сполна, как что-то под кожей начинает тихо вибрировать, отзываясь на её присутствие. Как расстояние, что он сокращает между их телами, отзываясь внутренним разладом, пробуждая импульсивность.

Это было странно. Подконтрольно, но странно. Раньше ему не приходилось иметь дело с людьми так близко — они были другими, не имели отношения к Гряде, к Источнику. Сама их природа была иной.

Он отложил бумаги и вышел на балкон, позволяя прохладному воздуху наполнить лёгкие.

Рядом с ним, в стороне от входа, стояла высокая жердь, на которой сидела чёрная птица — непривычно крупная для обычной. Она казалась частью сумерек: неподвижная, бесшумная, словно возникшая из самой тени.

Кэлман подошёл и ласково погладил её по голове.

Ониксовые, мерцающие в полумраке глаза приоткрылись, и она внимательно посмотрела на него — слишком осмысленным взглядом.

Он продолжал поглаживать:

— Милая, позови, пожалуйста, Нинтáра, главу патрульных, — его голос был тёплым и тихим.

Птица встрепенулась, расправила крылья и в следующий миг взмыла вверх почти беззвучно, растворяясь в сумерках, будто её здесь никогда и не было.

А когда он вернулся в кабинет и сел за стол, в дверь постучали.

После короткого «войдите» на пороге появился мужчина в доспехах, с длинными чёрными волосами, собранными в высокий хвост.

— Вызывали? — он склонил голову в приветствии и прошёл к столу.

— Скажи мне, Нинт, когда вы возвращали альтэрийских лазутчиков, ты ведь видел их принцессу? Что можешь о ней сказать?

Мужчина сначала задумался, а потом на его лице появилась широкая улыбка.

— Любопытная женщина, — наконец выдал он.

Кэлман откинулся на спинку кресла. В груди шевельнулось глухое, неприятное раздражение.

А Нинтáр продолжал:

— Было видно по глазам, что она испугалась, но тем не менее была готова вступить в бой. Не за себя, за окружавших её людей.

Кэлман хмыкнул, понимая, что такое впечатление она производит не только на него. Но раздражение никуда не пропало.

— Вы хотите посадить её на трон? — полюбопытствовал Нинтáр.

— Мне всегда нравилась твоя проницательность, — Кэлман смотрел с одобрением, отчего Нинт невольно расправил плечи.

— Если не считать командира того отряда, а брать верхушку, она единственная достойная, — кивнул патрульный, подтверждая свои же слова.

— Хорошо. Спасибо, это всё. Можешь возвращаться.

Нинтар слегка поклонился и исчез за дверью.

Кэлман откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Шуршание крыльев на балконе было почти неразличимым. Его умница вернулась на жердь, сложив крылья и снова слившись с сумерками.

Когда-нибудь посредники ему больше не понадобятся. Когда он примет титул Владыки и соединится с Источником, он сможет касаться разума любого из своего народа напрямую.

Эта мысль всегда пугала. Особенно его — того самого мальчишку, рождённого без отклика и зова Гряды.

Когда-то он был пустым. Сирота не по крови — по природе.

В детстве над ним насмехались — независимо от народа, дети всегда невероятно жестоки. Они дали ему выдуманное человеческое имя, как клеймо. Напоминание о том, что Гряда его не выбрала.

Но он был живым, сильным и слишком упрямым, чтобы сломаться.

Он до сих пор помнил тот день в лесу. Охота. Туман. Шорох ветвей. И взгляд, от которого стало холодно внутри. Синтáр просто смотрел на него. Позже Владыка скажет, что в тот миг почувствовал провал — место, где должен быть разум. Пустоту. Но перед ним была не пустота. Перед ним была тишина. Впервые за столетия он не услышал ни единой мысли. Только взгляд. Живой, внимательный, настороженный.

— Ты не боишься? — изумился Синтáр.

— Боюсь, — честно ответил Кэлман. — Но страх — не повод бежать.

С тех пор он стал единственным, с кем Владыка мог говорить на равных, не слыша его мыслей заранее. Это и стало основой их дружбы.

И всё же он помнил и другой лес. Кровь на ладонях. Треск собственных костей. Чужие детские крики где-то далеко.

Он выиграл для них время, но заплатил собой. Зверь был древним — созданием Гряды, рождённым из камня и тьмы.

Когда Синтáр нашёл его, Кэлман уже не чувствовал тела. Дыхание уходило рывками, мир распадался на обрывки света. И Владыка впервые за свою долгую жизнь испугался.

Источник сам выбирает, кому позволить жить и кого одарить силой, а чью плоть сжечь, растворив в себе разум. Но Синтáр всё равно шагнул в него. Погрузил Кэлмана в чёрную вязкую жидкость, пульсирующую и переливающуюся, словно живая.

Кэл горел, кричал — а разум трескался, разбивался на осколки, собирался и рвался снова.

А потом наступила тишина.

Он вышел живым. С чёрными белками глаз — знаком высшего принятия Источником, с мощью внутри, которой не должен был обладать ни один рождённый пустым. Будто бы его ждали, чтобы исправить глупую оплошность, наградить.

Но даже тогда, когда сила пропитала Кэла до костей, Синтáр не услышал его мыслей. Источник одарил бывшего пустого, но сохранил его внутренний мир сокрытым.

Владыка назвал его именем рода. Но Кэлман выбрал другое — имя, которым его унижали, имя, которое должно было стать клеймом. И сделал его своим, превратив в знамя.

С тех пор минули века.

И теперь Кэлман Чиёки — уже не сирота без отклика, не бесполезный сосуд. Он — голос Владыки, его воля и его преемник. Его уважают, любят, им восхищаются.

Потому что он был рождён пустым. Но не сломался.

И сама Гряда признала его достойным.

Глава 8. Опасная близость

Прошла неделя с того вечера на балконе, но каждое утро Эрика находила повод оказаться в библиотеке.

Ещё с детства её поражало величие и красота этого помещения.

Длинное и высокое, где всё — от пола до потолка — заполнено массивными книжными шкафами из тёмного дерева, украшенными золочёной резьбой и инкрустацией.

На уровне второго яруса — изящный балкон с кованой решёткой, позволяющий добраться до верхних полок.

Ребёнком она часто, увиливая от занятий, пробиралась сюда тайком, почти на самый верх, и просто любовалась этим местом.

Самым захватывающим была огромная фреска на потолке. Каждый её сантиметр заполняли переплетённые цветочные стебли и лепестки в приглушённых, благородных тонах: пыльной розы, шалфея и глубокого индиго. Тёмный, густо-синий фон создавал эффект «ночного сада», и по вечерам золотистые и кремовые фрагменты фрески будто начинали светиться в полумраке зала. Не зря библиотеку называли «Садом знаний».

Мраморный пол со сложным геометрическим узором звал пробежаться по нему или неспешно пройти, пересекая потоки света, падающего из высоких окон. Плитки отражали лучи, наполняя пространство мягким сиянием, золотящим корешки книг и подчёркивающим яркость красок в росписях.

Но сегодня Эрика пришла не прятаться, а найти хоть какие-нибудь крупинки информации о даркийцах. Поэтому она выбрала стол в углу у окна, обложившись древними фолиантами.

Кэл сказал, что они не собираются уничтожить Альтэрию, и она ему поверила. Станным образом, ему Эрика верила больше, чем родной семье.

Но он подчеркнул, что они заинтересованы именно в ней, хоть и не так, как представляет Альвена, Мэрэк и совет.

И она хотела знать как. Хотела быть готовой. И ещё... действительно хотела знать больше о самих даркийцах.

О Кэле.

Кажется, она сходила с ума...

Но он был первым, кто не боялся её статуса.

Не пытался быть вежливым. Не успокаивал. Не лгал «ради мира».

Он просто называл вещи своими именами — не обесценивал её, но и не защищал.

Брат говорит ей: «это нужно ради королевства», советники говорят: «таков долг», а Кэл говорит:

«Ты — фигура. И ты это знаешь».

Он не унижает её — он лишает её последнего самообмана, нарушает её привычные роли. Рядом с ним она не «принцесса», не «воительница», не «символ» — просто человек, который ошибся, растерялся и оказался уязвим.

Мысли о нём не то что не пугали — они просачивались под кожу с трепетом и сворачивались клубком под рёбрами.

— Глупое сердце! — выругалась она себе под нос, переворачивая страницу и пытаясь сосредоточиться на содержании.

— Не думал, что вы любите читать... принцесса, — раздалось совсем рядом.

Опять этот голос, отзывающийся чем-то первобытным внутри.

Эрика замерла, а потом резко повернула голову.

Кэл стоял, скрестив руки и ноги, оперевшись плечом на книжный стеллаж.

— Что вы здесь делаете? — выпалила она растерянно, а потом нарочито спокойно установилась в книгу, пытаясь унять учатившийся пульс и за безразличием скрыть смущение.

Кэл подошёл к столу.

Эрика не повернулась, но следила за его руками — за тем, как он взял толстый том сверху, прочёл вслух:

— «Мифы и легенды Королевства».

Хмыкнул, положив книгу на место. Взял другую:

— «Чёрная Гряда и её тайны».

Эрика не могла оторвать глаз от длинных бледных пальцев с аккуратными чёрными ногтями, странными, но красивыми.

Затем почувствовала, как он наклонился, заглядывая через её плечо в раскрытые страницы:

— «Гряда тянется до самой северной границы с...»

— Вопреки всему готовитесь в невесты? — его насмешливый голос заставил её вскинуть взгляд, полный вызова.

Кэл удовлетворённо ухмыльнулся, обошёл её стул и занял соседний, вальяжно развалившись.

От этой умышленной близости Эрика оцепенела.

— Я просто хочу быть подготовленной, — буркнула она, не поднимая глаз, и сжала пальцами обложку, словно ища опору. — Вы ведь не сказали, для чего я нужна вам.

Кэл внимательно следил за ней.

— Может, вы проводите какие-нибудь кровавые ритуалы. Или вообще заберёте в рабство, — она украдкой взглянула на него.

Он приподнял одну бровь, ожидая продолжения, возразил:

— Мы же не люди. Мы чтим жизнь и свободу каждого существа.

Эрика повернулась к нему. Не похоже было, чтобы он врал. Или он настолько проник в её мысли, что она и не заметит подвоха.

— Хотите сказать, даркийцы гуманнее людей?

— Мы не даркийцы, — спокойно ответил Кэл. — Это имя дали вы. Мы — тэкхи.

— И что это значит?

— Что мы не принадлежим вашей стороне горы.

Повисла тишина.

— И сравнивать нас нет смысла, — добавил он.

— Мы настолько разные? — в голосе Эрики проступили нотки горечи.

— Как день и ночь, — отрезал Кэл.

Это звучало как приговор. Или как вызов.

В голове Эрики что-то щёлкнуло, и необъяснимый, даже ей самой до конца непонятный порыв толкнул её вперёд — ближе к тому, кто одним словом мог или спасти, или погубить.

Она положила ладони на подлокотники его стула и, замерев лишь на секунду, слегка потянулась, коснувшись его губ своими — осторожно, почти невесомо, прикрыв глаза, будто боялась передумать.

В животе защекотало странное чувство, поднимаясь к горлу.

Кэл застыл. Казалось, он перестал дышать.

Она задержалась всего на миг, ощущая тепло его губ, их мягкость и уже знакомый, едва уловимый, похожий на дыхание гор аромат: свежий, холодный и чуть горьковатый. Затем отстранилась, не глядя на него, покусывая нижнюю губу — словно пытаясь понять, что только что сделала.

Когда она осмелилась посмотреть на даркийца, тот сидел неподвижно. Обычно лениво прикрытые веки сейчас были распахнуты, а радужка — и без того тонкая — сузилась ещё сильнее, отчего глаза казались почти чернильно-чёрными.

Он не сказал ни слова. Не шевельнулся.

Эрика сначала смутилась. Потом — похолодела. Стыд, обжигающий и резкий, вспыхнул внутри, опалив щёки. Это было неправильно. Это было безумием.

Она отшатнулась, пытаясь встать и сбежать от этой удушающей неловкости, но Кэл был быстрее.

Он молниеносно схватил её за запястье и дёрнул обратно — грубо, зло, словно пытаясь вернуть контроль. Другой рукой перехватил за затылок, разворачивая и фиксируя перед собой.

Эрика по инерции упёрлась ладонями ему в грудь и замерла в его руках, как пойманный зверёк. Его хватка была крепкой, почти болезненной.

Он наклонился ниже, заставляя её смотреть глаза в глаза.

Эрика заметила, как плотно сжаты его губы. Как нахмурены брови. В выражении лица читалось не желание — непонимание. Он изучал её так пристально, будто видел впервые, а затем неспешно перевёл внимание на её губы.

Сердце билось под рёбрами, сбивая дыхание. Воздуха стало не хватать. Эрика закрыла глаза, не в силах вынести этот взгляд.

Хватка на запястье внезапно ослабла.

Подушечки его пальцев коснулись её нижней губы — едва ощутимо, проводя от одного уголка к другому.

Эрика взволнованно распахнула глаза.

Кэл смотрел на неё так, словно сражался с чем-то внутри себя. А затем наклонился. Медленно. Мучительно.

И накрыл её губы своими.

Пальцы Эрики сжали ткань на его груди.

Он замер — и тут же углубил поцелуй — осторожно, почти сдержанно, обхватывая сначала нижнюю губу, потом верхнюю, едва прикусывая.

Эрика судорожно выдохнула, почти всхлипнув, и ответила так же осторожно.

И Кэл не выдержал. Отстранился ровно настолько, чтобы поймать её взгляд, и снова склонился — уже властно, жёстко впиваясь в её губы, проникая языком, удерживая за затылок и зарываясь пальцами в её волосы.

Поцелуй был горячим, откровенным, выбивающим почву из-под ног. В этот миг все их роли исчезли — остались только мужчина и женщина в моменте близости.

Когда воздуха стало не хватать, а из груди Эрики вырвался тихий стон, Кэл резко разорвал поцелуй.

Тишину библиотеки нарушало только их прерывистое дыхание.

Затем он рывком притянул её лицо к своему, совсем близко, и со смесью злости и горечи прошипел:

— Грязно играете, принцесса.

Громко хлопнула дверь библиотеки.

Эрика вздрогнула и обернулась на звук, мгновенно ощутив пустоту. Кэла больше не было рядом. Только пустой, неровно стоящий стул напоминал о том, что только что произошло.

Она спрятала пылающее лицо в ладони и прошептала:

— Значит, не такие уж мы и разные, да, Кэл...

Глава 9. Положение и обязанности

Кэлман ступил на траву, словно выпрыгнув из пустоты.

Рывок. Тяжёлые шаги. Резкое дыхание.

Он прошёл несколько метров и вдруг остановился, оглянувшись. Кулаки сжались так, что ногти впились в ладони.

— Бездна!

Он поднял голову. Высоко вверх, над ним, возвышался балкон его кабинета. А сам он стоял в саду, раскинувшимся у подножия замка Владыки.

Кэл прикрыл глаза ладонью, затем жёстко сдвинул пальцами виски, выдыхая и проводя рукой по лицу, пытаясь стереть с себя остатки нахлынувших эмоций.

Снова посмотрел вверх — и рассмеялся.

Глухо. Хрипло. Без тени веселья.

— Промахнулся. Надо же.

Опустившись прямо на траву у одного из деревьев, он прислонился спиной к стволу и прикрыл веки.

Опасно. Она вносит хаос — разлад в самую его суть, в связь с Грядой, в то равновесие, которое выстраивалось веками.

И то, что произошло между ними... Неужели она пытается играть? Влиять таким способом на положение Альтэрии? Но она не знает, кто он. Значит — любопытство? Или безрассудство.

А он... сорвался как мальчишка.

Настолько живая, искренняя, дерзкая. И её запах — летние травы, нагретая солнцем земля, свежесть ветра — всё ещё стоял в памяти, щекотал обоняние, не давая сосредоточиться.

Он не сдержался. Сперва взыграло любопытство. Потом — отказали все тормоза. Вкус её губ. Робкая отдача, сначала осторожная, затем сливающаяся с его напором.

— Проклятие...

Он качнул головой:

— Принцесса, принцесса...

Кэл хмыкнул и попытался выровнять дыхание.

К вечеру сад наполнялся голосами птиц. Тени, вытянувшиеся от заходящего солнца, ложились на траву причудливыми узорами, превращая пейзаж в живую картину.

Он ещё немного послушал успокаивающий шёпот листвы.

А потом растворился в воздухе, беззвучно появившись в своём кабинете.

Комната была уже погружена в полумрак. Огни города внизу отражались в стекле балконных дверей, распадаясь россыпью золотых точек. Его «умница» сидела на жерди, спрятав голову под крыло.

И только когда он сделал шаг к столу, пространство дрогнуло.

Воздух в центре комнаты сгустился. Тень, покружив, собралась в фигуру — знакомую, высокую, неподвижную. Её очертания были чёткими, но свет будто проходил сквозь неё с запозданием, искажая края силуэта.

Синтár.

Он стоял, сложив руки за спиной, и просто смотрел.

Без выражения. И слишком долго.

Кэлман остановился.

— Ты выглядишь необычно... напряжённым, — произнёс Владыка спокойно. Он говорил как-то растянуто, будто каждое слово стоило усилий. — Не хочешь рассказать?

Кэл медленно выдохнул.

Он чувствовал это — не магическое, не ментальное давление. Давление стыда и совести, заставившее его в конце концов почти солгать.

— Нет, — ответил он ровно.

Синтáр чуть наклонил голову.

— Любопытно.

Тишина в комнате стала плотнее.

— Я перехватил Нинтáра, — продолжил Владыка. — Он шёл к тебе. С донесением. На юго-западной границе Гряды... — паузы становились всё более тяжёлыми, — люди с равнин... начали добычу даркия.

Кэлман нахмурился.

— Они не рискнули бы без разрешения правящего рода. А с ним у нас был договор.

— Может, уверены, что мы не вмешаемся? — предположил Синтáр.

— Они что, сговорились все? — прошептал Кэл, потеряв висок.

Даркий не был драгоценным или даже полудрагоценным камнем. Но он был плотью Гряды, её основой. Сила циркулировала в нём, как кровь по венам.

— Через два дня полнолуние, — сказал он после паузы. — Сначала я разберусь с одними соседями. Потом — с другими.

Синтáр кивнул, но взгляд не отвёл, продолжая внимательно смотреть.

— Прости, — голос Владыки стал совершенно безжизненным. — Прости, что тебе приходится. Теперь. Справляться со всем. В одиночку.

Кэлман подошёл к нему.

— Не думай об этом, Син. Ты сделал достаточно за свою почти тысячу лет, — Кэл смотрел на старого друга с теплом и грустью.

Тень едва заметно улыбнулась.

— Будь осторожен, друг мой. На твоих плечах лежит слишком много. Но это не значит, что ты должен забывать о себе. Ты ещё ты. Ты ещё жив, — на последних словах голос стал совсем тихим.

А потом фигура Владыки рассыпалась в воздухе, будто её никогда и не было.

— Эрика?

Голос Вернона заставил её вздрогнуть и поднять пылающее лицо.

— С тобой всё в порядке?

Он подошёл ближе, опёрся рукой о спинку её стула и наклонился, пытаясь заглянуть в глаза.

— Да. Всё отлично, — нарочито бодро отозвалась Эрика, отворачиваясь. Она принялась лихорадочно закрывать книги, складывая их в неровную стопку.

Руки всё ещё подрагивали. Дыхание никак не желало выравниваться. Казалось, стоило прикрыть веки — и она снова почувствует на своих губах его поцелуй. Властный. Горячий.

Эрика выдохнула, зажмурившись.

— Сумасшествие какое-то...

Вернон тем временем скользил взглядом по названиям на обложках.

— Не мудрено. Незнание всегда сводит с ума.

Она недоумённо посмотрела на него. Наставник, заметив лихорадочный румянец и странный блеск в её глазах, хотел было спросить о самочувствии, но Эрика опередила его:

— Что ты здесь делаешь, Вернон? — поинтересовалась она строго. — Если пришёл снова отчитывать, не стоит, — и уже почти шёпотом: — Я и так на грани.

Его взгляд смягчился.

— Альвена ждёт тебя в Зелёной гостиной. Кажется, приехала портниха.

Эрика закатила глаза.

— Понятно. Привезли дорогую обёртку для подарка.

Вернон тяжело вздохнул.

— Эрика, может, ты ещё передумаешь? Мне кажется, это всё — совершенно дурацкая идея.

— Совершенно, — бросила она раздражённо, поднимаясь из-за стола. — И поверь, всё пойдёт совсем не так, как они задумали.

— Эрика? — он насторожился.

— Нет, ничего такого я не планирую, — поспешила она оправдаться. — Но я уверена, что господину Чиёки... как и всем... даркийцам... — она запнулась, едва не произнеся «тэ́ххи», — будет наплевать на наши решения. У них свои планы.

Они вышли из библиотеки в тускло освещённый коридор.

Эрика сразу ускорила шаг. Потом ещё. Каблуки сапог звонко стучали по каменному полу, отдаваясь в голове слишком громким эхом. Мысли путались, дыхание сбивалось, внутри всё дрожало, будто она только что вернулась с поля боя.

— Думаешь, будет война? — спросил Вернон, едва поспевая за ней.

— Нет.

— Почему ты так уверена?

— Если бы они хотели нас уничтожить или захватить, они бы давно это сделали, — ответила она отрывисто, не оборачиваясь.

Они свернули в боковой коридор.

— Тогда что?

Эрика вдруг остановилась так резко, что Вернон едва не врезался в неё. Она сделала пару шагов в сторону, провела рукой по волосам, пытаясь привести в порядок хаос в голове.

— Я не знаю! — почти выкрикнула она, сжимая кулаки. — Я не знаю, Вернон! Я пыталась найти хоть малейшую зацепку, к чему нам готовиться. Но там... — она указала на библиотеку, — ни-че-го.

Вернон перехватил её за локоть — мягко, но уверенно, останавливая.

— Эрика.

Он положил ладонь ей на плечо. Тёплую. Тяжёлую. Настоящую. И она замерла. Мир снова стал чётким, перестав плыть перед глазами.

— Если всё-таки тебя заберут за Гряду, я пойду с тобой, — тихо пообещал он. — Я не оставляю тебя. Слышишь?

Эрика медленно выдохнула и накрыла его ладонь своей. Пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно, впитывая это простое, надёжное тепло.

— Слышу. Спасибо.

Перед дверью Зелёной гостиной Эрика сделала глубокий вдох, собираясь с силами. С Альвеной они ей точно понадобятся.

Наставник остался со стражей снаружи, когда она скрылась внутри.

Бодвин всё ещё значился капитаном, но стоило Вернону появиться во дворце, как этот статус сделался чистой формальностью: никто из воинов не сомневался, кто здесь настоящий командир. Достаточно было одного его взгляда, чтобы караул выпрямился, а праздные разговоры смолкли.

В Зелёной гостиной царила роскошь и полная безмятежность. Будто все волнения обошли стороной эту богато украшенную комнату и саму Альвену, спокойно пьющую чай.

Свет из окон заставлял затянутые зелёным шёлком стены зала играть десятками изумрудных оттенков, напоминая шкатулку с драгоценными камнями. Посреди этого великолепия стоял манекен в пышном вечернем платье персикового цвета.

Альвена снисходительно окинула Эрику взглядом, слегка поморщившись. Вид принцессы в штанах и простой рубаше явно оскорблял окружающую обстановку.

— Здравствуй, — сухо произнесла она. — Надеюсь, ты не забыла, дорогая, что уже послезавтра полнолуние.

Портниха тут же подбежала с мерной лентой. Эрика не сопротивлялась, безучастно разглядывая жёлто-розовое безобразие, в которое её собирались облачить. Когда замеры были закончены, она медленно повернулась к мачехе.

— Я это не надену.

Альвена скрипнула зубами.

— Эрика, твой внешний вид будет играть огромную роль...

— Кто вам это сказал? — отрезала Эрика.

Альвена замерла от негодования. Она не терпела, когда её перебивали.

Но Эрике было плевать. Она и так была пешкой, а теперь из неё хотели сделать ещё и красивую куклу на продажу.

«Удобная фигура. Разменная монета, которую они готовы положить на алтарь ради спокойствия».

Слова Кэла болезненно вспыхнули в памяти.

А следом — его хватка, изучающий взгляд, пальцы на её губах. Всё ещё слишком живые в памяти.

Мысли отозвались сбившимся дыханием и жаром на щеках. Эрика уже не слушала, что ей выговаривает Альвена. Она просто развернулась к выходу, бросив через плечо:

— Будет вам платье.

И скрылась за дверью.

Глава 10. Посол Гряды

Солнечный свет за окном стал рассеянным и тусклым. День медленно отступал, давая место вечерней прохладе и круглой луне, уже поднимающейся над дворцом.

Эрика стояла перед зеркалом, нервно поправляя манжеты кремовой блузы с широким вырезом, открывающим ключицы, и отделкой из тонкого кружева.

Из отражения на неё смотрел совершенно чужой человек: высокая девушка в изящном платье и дорогих украшениях.

Изумрудный корсетный пояс жёстко обхватывал талию, подчёркивая фигуру, тяжёлая юбка спадала к полу глубокими складками, а на шее мерцали капли изумрудов. Всё это выглядело правильно. Роскошно. Безупречно.

И совершенно не про неё.

Ей было неуютно, словно она надела чужую кожу.

Служанка уже ушла, оставив её одну перед зеркалом, и Эрика рассматривала отражение так, будто знакомилась с новой версией себя — той, которой никогда не была и не желала быть.

А если бы сейчас её увидел Кэл, захотел бы сам поцеловать её?

Мысль впилась под кожу огненными иглами, разнося жар по телу.

Интересно, будет ли он в свите посла?

После их поцелуя он больше не появлялся, и её мучили брошенные им слова. Он не понял её порыва. Мысль о том, что он не чувствует того же, она гнала прочь. Его поцелуй ощущался слишком властным, слишком живым, чтобы быть равнодушным.

А если это было всего лишь любопытство?

Тогда его нужно разжечь снова. Главное — чтобы он появился.

Она никогда не испытывала ничего подобного. Всегда занятая тренировками, учёбой, работой в городе, она и не подозревала, что внутри неё может быть столько жара, столько нетерпения, столько странной, пугающей радости.

Она чувствовала себя живой.

В дверь постучали.

И Эрика, выдохнув, как перед прыжком в бездну, открыла.

Вернон замер на пороге. Свет от зажжённых в комнате свечей мягко оттенял его волевое лицо: выразительную линию челюсти и пронзительный взгляд светло-голубых глаз. Его густые, тёмно-каштановые волосы, как обычно, были слегка растрёпаны, а несколько волнистых прядей упали на лоб, придавая образу лёгкую небрежность.

Шрам, пересекающий переносицу, и ещё несколько отметин на щеках — память о былых сражениях — сегодня казались особенно заметными на фоне парадного сизо-синего кафтана. Высокий воротник, отороченный коричневой кожей, подчёркивал статность его фигуры.

Увидев Эрику, он на секунду потерял привычную дерзкую улыбку. Во взгляде мелькнула почти отцовская гордость.

— Какая ты красивая, Эрика.

Он тепло улыбнулся, и эта улыбка стёрла суровость, которую придавала ему короткая борода и шрамы. Вернон предложил ей локоть.

Она фыркнула и всучила ему меч в ножнах:

— Я смогла закрепить под юбкой только кинжал, — сказала с недовольством.

Вернон опешил, глядя на тяжёлое оружие в своих руках, а потом рассмеялся, отчего морщинки в уголках его глаз стали ещё глубже.

— А я уж подумал, ты и вправду решила стать покорной принцессой.

— Нужно быть готовыми ко всему. Не мне тебе это объяснять, — она кивком указала на его кожаный пояс с массивной металлической пряжкой, где уже висел его собственный клинок.

Капитан кивнул, соглашаясь, и привычным движением пристегнул её меч к своему. Потом снова подставил локоть.

— В зале уже собрались все советники. И Мэрэк с Альвеной, — рассказывал Вернон по дороге.

— В тронном зале?

— Нет. Галлар предложил малый праздничный.

— Вот так праздник. Продажа принцессы, — в голосе Эрики зазвенел сарказм.

Вернон крепко сжал её ладонь на своей руке.

— Мы ведь не знаем, сколько человек прибудет с послем. А зал большой, просторный.

— Человек? — хмыкнула Эрика.

Вернон посмотрел на неё с сожалением.

— Эрика, они не пугают тебя?

— Нет. Они — нет. Меня пугает неизвестность. Ты знаешь, я готова жизнь отдать ради мирной жизни Альтэрии. Но вот этот фарс... — она раздражённо смяла дорогой шёлк юбки.

Они подошли к широкой двустворчатой двери, украшенной позолоченным орнаментом. Вернон развернул девушку к себе, удерживая за руки:

— Эрика, я буду рядом, что бы ни случилось. И всегда останусь на твоей стороне.

Она благодарно улыбнулась и кивнула. Набрала полные лёгкие воздуха, которого, казалось, последнее время катастрофически не хватало, и дала знак страже.

Двери распахнулись — и на них уставились десятки глаз.

Малый праздничный зал только назывался так. На деле это было огромное светлое помещение с витражными окнами, массивным столом, способным вместить не меньше двух дюжин гостей, и полукруглым паркетным пространством для музыкантов и представлений.

Под высоким потолком висела массивная кованая люстра, усыпанная сотнями свечей. На стенах в золочёных канделябрах тоже горел огонь. Пламя отражалось от позолоты зала, играя яркими бликами на полированном дереве.

Сквозь витражи внутрь проникал приглушённый лунный свет. Холодные серебристые отблески ложились на паркет вперемишку с тёплым мерцанием пламени, и из-за этого казалось, что за окнами уже царилла ночь.

Раньше, когда был ещё жив король, переговоры и важные совещания часто проходили здесь — за ужином, в доверительной, почти семейной обстановке.

Теперь зал использовался редко. Мэрэк предпочитал тронный зал, где важно восседал как правитель, ещё даже не надев короны.

Кто-то из советников ахнул, стал рассыпаться в комплиментах, целовать ей руку, будто монаршей особе.

Все столпились у одного края стола вокруг королевской четы. Лишь стража стояла у дверей с обеих сторон.

Мэрэк смотрел на Эрику с явным недовольством. Альвена — оценивающе.

— Я рада, что ты прислушалась к голосу разума, дорогая. Но платье стоило бы подобрать более изысканное, соответствующее твоему статусу, — произнесла Альвена спокойно и холодно. В её глазах мелькнула насмешка.

Вокруг воцарилась оглушающая тишина. Советники тактично отвели глаза. Мэрэк ухмыльнулся, Бодвин за его спиной — тоже. Вернон непроизвольно сжал кулаки.

Эрика уже собиралась ответить, когда с другого конца стола раздался голос:

— Добрый вечер, дамы и господа.

Эрика стремительно обернулась и вцепилась в спинку стула. Эту хрипотцу и ленивое растягивание слов она узнала бы из тысячи.

Кэл сидел во главе стола, вольготно откинувшись на спинку кресла.

Стража у дверей дёрнулась, но Вернон жестом остановил их.

Все ошеломлённо смотрели на даркийца, внезапно появившегося из ниоткуда.

А он — на Эрику.

Его лениво-скупающий взгляд скользнул по залу, потом остановился на ней. Бровь медленно поползла вверх. Он прошёлся глазами по её наряду снизу вверх и прищурился.

Ей стало неловко. Он смотрел на неё тяжело, будто лез под кожу и сбивал дыхание.

Почему? Что он здесь делает?

Мысли рвались в разные стороны, как напуганная стая.

Она была готова увидеть его в свите посла тэкхи. Даже надеялась на это.

Но не так.

И всё равно сердце предательски радовалось.

Его присутствию. Его вниманию — цепкому, тёмному, устремлённому прямо на неё.

— Прошу прощения, вы господин Чиёки? — первым отмер Галлар, уже взяв себя в руки. Его голос звучал учтиво и спокойно.

— Кэлман Чиёки. Правая рука и голос Владыки Тэкхара, — Кэл встал, представляясь, и едва кивнул из уважения к приличиям.

Сегодня на нём был не привычный свободный чёрный наряд, и каждая деталь его облика кричала о статусе.

Приталенный тёмный камзол с серебряной вышивкой, сложная система ремней на талии, высокие кожаные сапоги — всё это лишь сильнее подчёркивало его хорошо сложенную фигуру и стать.

Матовая ткань, блеск кожи и холодный металл делали его облик мистическим и торжественным.

Эрика побледнела.

Кэлман. Кэл.

Правая рука Владыки — он знал всё с самого начала. Всё это время. И смеет ещё говорить, что она «грязно играет».

Обида и злость вспыхнули в ней мгновенно.

— Вы один? — недоверчиво произнёс кто-то из советников.

Кэлман демонстративно огляделся, разводя руками.

— Как видите, — подтвердил он, опускаясь обратно в кресло. — Вы ждали кого-то ещё?

— Обычно посол прибывает со свитой, — неловко сказал другой.

— Вы судите по человеческим меркам, — он положил руки на стол, обводя всех взглядом. — Но я не человек.

На этих словах его взгляд задержался на Эрике. Она была напряжена как струна, челюсти сжаты так, что под кожей ходили желваки. Глаза метали молнии, что позабавило Кэлмана. Он усмехнулся.

— Может быть, вина? — Альвена старалась держаться уверенно, но чёрные глаза даркийца и его спокойствие заставляли её нервничать.

— Нет, спасибо. Я привык заниматься делами на трезвую голову, — ответил он, опираясь подбородком на руки, сцепленные в замок. Локти упирались в стол. Он покосился на бокал в руках Марэка. — И вам советую. Дабы не принимать решений с неблагоприятными последствиями. Для всех, — добавил уже жёстко.

Эрика только сейчас заметила, что стол был сервирован закусками и вином. Марэк, Альвена и часть советников уже держали бокалы.

С ума сошли? Или они заранее празднуют её продажу?

— Мой сын молод, неопытен и любопытен, господин Чиёки. Надеюсь, ваш Владыка сможет простить его горячность. И эта нелепая оплошность не повлияет на мир между нашими народами, — запела Альвена, пытаясь быть храброй и избавить их от гнева даркийцев, но её голос подрагивал.

Мáрэк сжал бокал с вином до побелевших костяшек, а линия скул стала ещё резче.

Кэлман встал и неторопливо подошёл к Альвене. Все остальные непроизвольно отступили на шаг. Лишь Эрика и Вернон остались стоять, не шелохнувшись.

Даркиец навис над Альвеной, заслони́в свет, как вековое дерево заслоняет солнце для кустарника. Склонился и произнёс нарочито медленно и тихо:

— Хотите сказать, что умышленное нарушение договора, которому веками следовали ваши предки, — это нелепая оплошность?

Альвена силилась держать лицо, но резкая бледность и дрожащие губы выдавали её страх.

Галлар вмешался, пытаясь разрядить обстановку:

— Мы ни в коем случае не хотим оскорбить вас и ваш народ, господин Чиёки. Мы лишь надеемся на мирное урегулирование вопроса.

Кэлман отошёл, опёрся на край стола и скрестил руки на груди. Он всё ещё смотрел на Альвену.

— Весьма занимательные вещи вы говорите. Очень любопытно, что я ещё сегодня услышу?

Он обвёл всех взглядом, задержавшись на Эрике чуть дольше, чем следовало, но заставил себя отвести глаза. Она опять выбивала его из равновесия, приковывая внимание. Снова и снова.

— Мы хотим показать наши добрые намерения, — подал голос Мáрэк, — и в знак надежды на мир предложить брачный союз с самим сердцем Альтэрии.

Его жест, указывающий на Эрику, был помпезным и фальшивым.

Лицо Эрики не дрогнуло. Она была полностью поглощена бушующей в ней обидой, смешанной со злостью и требующей выхода. Обычно сдержанная и владеющая собой, рядом с ним — с этим страшным и притягательным мужчиной — Эрика теряла контроль мгновенно. И ничего не могла с этим поделать. Пламя внутри разгоралось за секунды, пожирая рассудительность.

Кэлман нахмурился.

Почему она позволяет так с ней обращаться? — засело у него в голове.

Но сказал он другое:

— Я правильно понимаю, что вы решили откупиться жизнью вашей принцессы?

— Почему откупиться? — Мáрэк был искренне возмущён. — Брак для принцессы — это вклад в благополучие и процветание королевства. Это её долг и прямая обязанность.

Вернон скрипнул зубами. Всё это время он не отходил от Эрики ни на шаг, и ему не нравились те невидимые волны, что исходили от неё.

— Вот как, — спокойно ответил Кэлман. — Может, спросим у неё самой?

И он подошёл к Эрике вплотную, встречая её сверлящий взгляд.

— Что скажете, принцесса? Вы готовы стать разменной монетой в этом фарсе?

Его слова ударили наотмашь. Злость перехлестнула через край. Эрика шагнула к нему, чуть задрав голову и глядя прямо в чёрную бездну его глаз.

— Нет, — жёстко выдохнула она. — Но я желаю вызвать вас на поединок, господин Чиёки. Сейчас.

Со всех сторон посыпались испуганные возгласы советников.

— Совсем с ума сошла?! — зло выкрикнул Мáрэк, подаваясь вперёд.

Вернон железной хваткой вцепился Эрике в руку:

— Эрика, не кипятись! Подумай, что ты делаешь!

Но она ничего не слышала. Мир сузился до одной точки — до ониковых глаз напротив. Кэлман тоже, казалось, забыл о существовании людей вокруг.

— С удовольствием, принцесса Эрика, — на его лице расцвела широкая искренняя улыбка, а в глубине зрачков зажёгся азартный, почти мальчишеский огонёк. Он думал об этом ещё при первой встрече, там на балконе. И вот — она сама просит о поединке.

У Эрики на мгновение подогнулись колени. Он впервые назвал её по имени. Тихо. Веско. Будто признал равной.

И эта улыбка...

Боги, дайте ей сил.

Гнев на секунду испарился, уступив место странному трепету, но Кэлман тут же всё испортил.

Он отступил на пару шагов, склонил голову набок и нарочито медленно окинул её наряд оценивающим, издевательским взглядом.

— Только вот... как вы собираетесь сражаться в этом, принцесса? — он умышленно выделил последнее слово, и Эрика снова вспыхнула.

Не разрывая зрительного контакта, она потянулась к изумрудному поясу. Нашла потайные застёжки и одним резким движением отцепила верхнюю распашную юбку, швырнув её в сторону. По залу прокатилась волна вздохов и возмущённого шёпота. Следом полетел корсетный пояс с тяжёлой нижней юбкой, крепившейся прямо к нему. Разрезы до этого момента были надёжно скрыты, но теперь шёлк бесформенной кучей упал на паркет.

Эрика осталась в кружевной блузе, заправленной в штаны с высокой талией, — в своём обычном виде, хоть и более изысканном. На бедре тускло блеснул кинжал.

Кэлман замер. Взгляд полыхнул неприкрытым восхищением.

Эрика, всё так же не сводя с него глаз, властно протянула руку в сторону:

— Вернон.

Наставник, не проронив ни слова, выхватил её меч из ножен и вложил рукоять ей в ладонь.

— Ему тоже, — кивнула она на даркийца.

Вернон тяжело вздохнул, но повиновался — отстегнул собственный меч и протянул его гостю.

Кэлман, подражая жесту Эрики, просто отвёл руку в сторону, принимая оружие, но взор его по-прежнему был прикован только к ней.

Они вышли в центр зала, на широкое паркетное пространство, и встали друг напротив друга. Воздух между ними, казалось, начал вибрировать от напряжения.

Эрика вмиг ушла в боевую стойку, вскинув клинок и направив остриё точно на грудь противника.

— Защищайтесь, господин Чиёки!

Глава 11. Поединок

Кэлман встал вполоборота к Эрике, медленно отвёл левую руку за спину, а правой поднял меч. Лезвие он направил горизонтально в её сторону так, что рукоять смотрела наверх, к плечу — изящно и смертоносно. Его взгляд из-под полуприкрытых век оставался расслабленным, ленивым, и вызывал у неё прилив жгучего раздражения.

— Нападайте.

Не успел он договорить, как она сорвалась с места. Эрика атаковала агрессивно, вкладывая в каждый замах вес всего тела, намертво вцепившись в рукоять обеими руками. Она сражалась как человек, привыкший иметь дело с противником сильнее и крупнее: рубящие удары сверху вниз сменялись резкими подрезами по диагонали.

Кэлман двигался с неестественной грацией. Он не стоял на месте — скользил по дуге, смещаясь с линии атаки в самый последний миг. Его сталь лишь слегка касалась её клинка, направляя инерцию Эрики в пустоту. Короткие, экономные движения против её прямолинейной ярости.

Он выглядел почти скучающим, позволяя силе принцессы работать против неё самой.

После затяжной серии уклонений Кэлман поймал её на микропаузе. Молниеносный контрудар. Эрика едва успела выставить блок — оглушительный звон стали отозвался дрожью в локтях. Кэл не дал ей разорвать дистанцию: серия стремительных выпадов в лицо и шею заставила её нырять под клинок. Меч даркийца со свистом рассекал воздух там, где секунду назад была её голова.

На выходе из последнего приседа Эрика вложила в удар всю взрывную силу ног. Рывок вверх — клинки встретились с глухим скрежетом и застыли, скрестившись намертво.

— Почему вы не сказали кто вы, господин Чи-ё-ки? — прошептала Эрика, неотрывно глядя в его ониксовые глаза.

Кэлман скептически поднял бровь, глядя на неё поверх скрещённых клинков, и лишь слегка повернул кисть, усиливая напор.

— А должен был?

Он начал продавливать её. Мышцы Эрики задрожали, меч медленно, сантиметр за сантиметром, опускался под нечеловеческим весом клинка даркийца — и под тяжестью его слов. Обида и осознание его правоты заставили её до боли сжать челюсти.

Бездна!

Эрика резко перестала сопротивляться. Она провалила блок, шагнув в сторону и присев. Кэлман, вложивший всю силу в нажим, на долю секунды потерял равновесие, подавшись вперёд. В этот момент, она выпустила меч, и используя разворот корпуса, попыталась хлестко ударить его локтем в челюсть.

Он уклонился, а когда попытался ответить, Эрика скользнула в «мёртвую зону» его длинного клинка — дистанция сократилась до предела. Кэлман отбросил меч, и бой перешёл в рукопашную.

Эрика работала на грани: её ладони постоянно касались его рук, перенаправляя тяжёлые выпады. Обманное движение к его глазам — Кэл инстинктивно отклонил голову, — и она тут же выхватила кинжал с бедра. Движение слилось в единый росчерк.

Она не была глубоко. Проносясь мимо него в грациозном пируэте, лишь кончиком лезвия чиркнула тонкую линию по его скуле и замерла в низкой стойке.

Кэлман остановился.

Лёгкое жжение на коже было почти неосязаемым — пустяк, не стоящий внимания. Но внутри разлилось спокойное, ясное удовлетворение. То редкое состояние, когда ожидание наконец совпадает с реальностью.

Он ждал этого момента — когда станет ясно, что всё, что он почувствовал раньше, не было ошибкой. Она не сломалась под давлением, не растерялась, не пошла на бездумный риск. Она увидела окно — и воспользовалась им.

Достойно. Чисто. Точно.

В груди отозвалось тихое, почти забытое чувство радости от встречи с равным, с тем, кто способен дать отпор. Это было захватывающе. И опасно. Ведь она была точно такой, какой он её представлял. И именно поэтому Кэлман позволил себе лишь мгновение этого ощущения — и тут же загнал его глубже, под слой привычного контроля. Это был всего лишь бой. Всего лишь достойный противник. Ничего больше. Он не имел права на иные выводы.

Кэл плавно развернулся.

Эрика ошеломлённо смотрела на его щёку.

— Чёрная... — выдохнула она почти шёпотом.

Кэлман провёл пальцами по скуле, смазывая выступившие капли угольно-тёмной крови.

— Я же говорил, принцесса, я не человек, — усмехнулся он. — Мы слишком разные. Как ночь и день.

Эти слова вспыхнули в ней новой волной злости. Она подняла мечи, швырнула один даркийцу и снова кинулась в атаку. Теперь каждый выпад Кэлмана встречал жёсткий, выверенный блок. Под обоюдным давлением клинки начали медленно чиркать друг по другу, высекая снопы искр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.